РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 33. 14-го Августа 1905 г. **XXVII**-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“:
МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ **5** р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ **5** р. **50** к. | Безъ доставки въ Москвѣ **5** р. **25** к. | Съ пересылкой по всей Россіи **6** р. | За границу **10** р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ **3** р., за 3 мѣсяца **1** р. **50** к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) **50** к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ **2** р. 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

ПРОСЬБА ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ ИЗДАНІЙ „РОДИНА“

Главная контора изданій «Родина» обращается къ гг. подписчикамъ съ покорнѣйшей просьбой **прилагать ко всякаго рода письмамъ и переводамъ тотъ АДРЕСЪ**, который наклеивается на оболочку журнала. Если приложить этотъ адресъ не представляется **возможнымъ, то убѣдительно** просятъ проставлять слѣдующее: **номеръ, стоящій въ лѣвомъ верхнемъ углу адреса, и цифры тракта и мѣста,** стоящія въ **правой** сторонѣ адреса, т. е., дѣлать приблизительно такую надпись: **№. 15.275, тр. 30, м. 175.** Подобная надпись значительно облегчитъ всякаго рода справки, которыя приходится дѣлать конторѣ по заявленіямъ гг. подписчиковъ, и отъ успѣшности этихъ справокъ зависитъ быстрота выполненія просьбъ и заявленій гг. подписчиковъ.

ВЪ ГОРОДЪ НА РЫНОКЪ. Оригин. рисун. **Г. Бролинга.**

Подъ властью воспоминаній.

Тѣни былого, какъ сонъ, промелькнувшаго,
Вновь предо мною живыя стоятъ;
Думы забытыя, чувства уснувшія,
Тихою грустью мнѣ душу томятъ...
Ночи безсонныя, встрѣчи запретныя
Съ юной подругой умчавшихся лѣтъ,
Клятвы безумныя, ласки отвѣтныя
Въ сердцѣ глубокій оставили слѣдъ.
Помнятся садъ и луна серебристая,
Блескъ потухающихъ звѣздъ въ вышинѣ,
Трель соловьиная, нѣжная, чистая,
Звонъ поцѣлуя въ ночной тишинѣ.
Помнится все—и истомою сладкою
Жадно объята усталая грудь...
Временемъ только, и какъ-бы украдкою,
Кто-то мнѣ шепчетъ: «Былое забудь!
Все позабудь! и во мглу безпросвѣтную
Съ тайной надеждой душою не рвись:
Тамъ ты не встрѣтишь улыбку привѣтную...
Все позабудь! и съ судьбой примирись!»
Все позабыть?—и глухое рыданіе
Рвется, клокочетъ, туманится взоръ...
Такъ непогоды осенней дыханіе
Рушитъ природы зеленый уборъ.
Тѣни былого, какъ сонъ, промелькнувшаго,
Вновь предо мною живыя стоятъ;
Думы забытыя, чувства уснувшія
Тихою грустью мнѣ душу томятъ...

Н. И. Чирковъ.

ВЕСЕННІЙ ЗАХВАТЪ.

Романъ Г. Т. Сѣверцева (Полилова).

(Продолженіе.)

ВМѢСТѢ съ тѣмъ, послѣ успѣшнаго исполненія своихъ пѣсенокъ, возвращаясь вмѣстѣ съ Арсеніемъ, который сдѣлался завсегдатаемъ кафешантана, Кончетта весело напѣвала ихъ мелодіи.

— Не правда-ли, Арси, какъ хорошо у меня сегодня вышло это мѣсто? — и пѣвица, произнеся эти слова, припоминала ту или иную часть своего репертуара.

— Что я буду дѣлать дальше? я не въ силахъ съ тобою разстаться! — шепталъ Гостомыжскій, не спуская глазъ съ дѣвушки.

— Зачѣмъ намъ разставаться? какіе пустяки! Я тебѣ помогу все устроить...

Князю пришлось невольно перезнакомиться съ міромъ мишурнаго театральнаго блеска, со всѣми его представителями. Всѣхъ ихъ встрѣчалъ онъ у Кончетты, упорно отказывавшейся перемѣнить квартиру, несмотря на желаніе Арсенія. Различные артисты всевозможныхъ спеціальностей развязно жали руку князю, занимали у него безъ отдачи деньги, ѣли и пили за его счетъ въ извѣстномъ ресторанѣ, зачастую смѣясь надъ нимъ чуть-ли не ему самому въ глаза. Но Гостомыжскій ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ, онъ весь отдался обаянію своей страсти къ итальянкѣ, своимъ воспоминаніямъ ихъ первой встрѣчи.

Чаще другихъ Кончетту навѣщали французъ-куплетистъ Виталье и англичанинъ-клоунъ.

— Князь, вы—счастливѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ, — съ тонкой ироніей замѣтилъ однажды Гостомыжскому французъ,—вы безумно любимы существомъ, которое каждый король, каждый властитель охотно назвалъ-бы своею подругою! — и при этихъ словахъ куплетистъ для большаго убѣжденія своего собесѣдника закатилъ глаза.

Арсеній безразлично слушалъ его слова. Какое ему дѣло было до этого! онъ былъ любимъ, такъ къ чему-же сравненія, къ чему ненужныя слова?

— Вы всегда, синьоръ, черезчуръ хвалите меня! —томно проговорила итальянка, польщенная замѣчаніемъ своего сотоварища.

Она отличала его болѣе другихъ въ труппѣ и Гостомыжскій почти всегда, являясь къ Кончеттѣ, заставалъ у нея француза.

Онъ не придавалъ особеннаго значенія посѣщеніямъ послѣдняго, хотя закулисная сплетня относительно куплетиста долетѣла и до него. Онъ черезчуръ свято вѣрилъ этой женщинѣ, такъ властно оторвавшей его отъ семьи.

— Сэръ,—какъ-то послѣ спектакля сказалъ Билли Вильямсъ князю, отведя его въ сторону, въ то время, когда послѣдній ожидалъ въ корридорѣ театра переодѣвавшуюся пѣвицу, — я, какъ честный человѣкъ, долженъ васъ предупредить, что синьорина Фузильери обманываетъ васъ.

Князь сдѣлалъ рѣзкое движеніе головой; онъ былъ счастливъ, и ему было тяжело разстаться со своею мечтою, съ увѣренностью, что любовь Кончетты принадлежитъ всецѣло лишь ему.

— Вы лжете, я не вѣрю вамъ! — горячо проговорилъ онъ, обращаясь къ англичанину, — я знаю причину вашей клеветы на нее. Вы тщетно преслѣдовали ее своею любовью, она мнѣ сама объ этомъ разсказывала.

Глуповатая физіономія британца на мгновеніе покраснѣла отъ нанесеннаго оскорбленія, но онъ сейчасъ-же, махнувъ рукою, отошелъ отъ Арсенія.

XXXV.

— Ты не повѣришь, надѣюсь, жалкой клеветѣ, Арси?—встревоженно спросила итальянка Гостомыжскаго, когда онъ разсказалъ ей о происшедшемъ.

— Я ни одной минуты не сомнѣвался въ тебѣ, моя дорогая! — горячо возразилъ князь, — я вѣрю въ твою любовь ко мнѣ, какъ въ судьбу.

Пѣвица успокоилась. Отлично зная характеръ Арсенія, она едва-ли могла ожидать другого исхода клеветы, но, тѣмъ не менѣе, стала осторожнѣе и для того, чтобы сплетни не возобновлялись, рѣшилась переѣхать изъ своей комнаты въ Горной улицѣ.

Но едва это рѣшеніе у нея созрѣло, какъ новая мысль, почти безразсудная, мелькнула въ ея мысляхъ.

— Отчего-же не попробовать? — прошептала дѣвушка и задумалась.

Гостомыжскій, снова вернувшійся изъ Остендэ, гдѣ онъ провелъ одинъ только день, засталъ Кончетту въ сборахъ для переѣзда.

— Ты кстати, Арси,—серьезно проговорила она,— у меня явился новый планъ и я тебѣ его сейчасъ сообщу.

— Говори, говори, я съ нетерпѣніемъ ожидаю.

— Ты знаешь, самъ видишь, какова жизнь кафешантанной пѣвицы, каждый можетъ ее оскорбить, каждый готовъ кинуть въ нее грязью. Я рѣшилась ее покинуть.

Гостомыжскій вскрикнулъ отъ восхищенія: онъ не разъ высказывалъ Кончеттѣ свое недовольство этой жизнью артистической богемы, а въ настоящее время она сама съ нимъ соглашалась въ этомъ, и потому онъ радостно отвѣтилъ Кончеттѣ:

— Тѣмъ лучше, тѣмъ больше я радъ за тебя, за себя...

Дѣвушка невольно улыбнулась его восхищенію.

— Постой, Арси, постой, дорогой, ты не совсѣмъ вѣрно понялъ мое рѣшеніе.

Арсеній разочарованно взглянулъ на нее.

— Ты долженъ понять, Арси,—вкрадчиво продолжала Кончетта,—что я не въ силахъ теперь бросить совсѣмъ сцену: успѣхъ, апплодисменты, шумная толпа стали мнѣ такъ-же необходимы, какъ пища, какъ воздухъ. Безъ нихъ я не могу представить себѣ жизнь, она будетъ черезчуръ блѣдна, неинтересна...

— А моя любовь къ тебѣ? — робко прервалъ ее князь.

— Какой ты чудакъ, Арси! Твоя любовь, я тебѣ говорила уже не разъ, составляетъ для меня все на свѣтѣ! но у тебя жена, ребенокъ... придетъ время — и мы съ тобою разстанемся.

Гостомыжскій недовольно хотѣлъ прервать ея слова, но она поспѣшила продолжать свою рѣчь:

— Знаю, что ты мнѣ скажешь: „я съ тобою никогда не разстанусь“, но не въ томъ дѣло. Сценическій ядъ проникъ уже въ меня и избавиться отъ него для меня не представляется никакой возможности... Я рѣшилась серьезно заняться пѣніемъ у какого-нибудь профессора, а затѣмъ выступить въ оперѣ.

Съ нескрываемымъ изумленіемъ слушалъ говорившую Гостомыжскій, такъ какъ былъ далекъ отъ мысли, чтобы изъ очень небольшого, хотя и краснваго голоска Кончетты могъ выработаться голосъ для оперной сцены.

— Ты молчишь? ты изумленъ? Увидишь самъ, что скоро, очень скоро, я буду пѣть въ оперѣ. Послушай!—и Кончетта запѣла первую арію Травіаты.

Небольшой голосъ пѣвицы звучалъ очень слабо, тѣмъ не менѣе, интонація ея была правильна и слушать ея пѣніе было пріятно.

— Недурно, право, недурно! — замѣтилъ Арсеній.

Итальянка оживилась, глаза ея заблестѣли.

— Ты находишь? Да и не ты одинъ; я была въ здѣшней консерваторіи, мнѣ то-же сказали тамъ. Я буду учиться прилежно, настойчиво. Ты согласенъ?

— Я очень радъ, учись.

Кончетта, какъ маленькая дѣвочка, начала прыгать, захлопала въ ладоши.

— Какой ты милый, добрый, Арси!—воскликнула она и, быстро подбѣжавъ къ князю, звонко поцѣловала его.

— Я, дѣйствительно, радъ, что ты бросишь „Скала“,—произнесъ Арсеній,—но у кого-же ты намѣрена заниматься?

— Я уже нашла себѣ профессора; это — monsieur Лемэръ. Разумѣется, онъ не такъ хорошъ, какъ профессора у насъ, въ Италіи, но не могу-же я ѣхать туда, разстаться съ тобою.

Говоря это, пѣвица кокетливо подняла на князя свои глубокіе глаза.

Арсеній крѣпко сжалъ руками полный станъ молодой женщины.

— Но, мой дорогой, это будетъ стоить денегъ, большихъ денегъ!—какъ-то подчеркивая фразу, проговорила Кончетта.

Гостомыжскій невольно улыбнулся и весело отвѣтилъ:

— Что-же изъ этого? Деньги будутъ, лишь ты люби меня попрежнему...

Къ общему удивленію своихъ товарищей, итальянка бросила кафе-концертную дѣятельность и даже переѣхала изъ меблированныхъ комнатъ, гдѣ жила ранѣе.

— Очень жаль, синьорина Кончетта, что вы покидаете насъ,—съ сожалѣніемъ сказалъ антрепренеръ театра „Скала“, когда пѣвица сообщила ему о своемъ рѣшеніи выйти изъ состава труппы. — Вы имѣли у насъ большой успѣхъ, васъ всѣ любили, я увѣренъ, успѣхъ вашъ современемъ былъ-бы еще больше.

Итальянка, видимо, колебалась. Увѣренность въ ея успѣхѣ такого опытнаго человѣка, какъ Виньо, чуть было не заставила ее отказаться отъ мысли сдѣлаться оперной пѣвицей, но она все-таки не измѣнила своему рѣшенію.

— Арси, ты долженъ вмѣстѣ со мною отправиться къ профессору пѣнія, пусть онъ лично тебѣ скажетъ свое мнѣніе.

Князь, все больше и больше терявшій свое собственное „я“, весь находившійся подъ вліяніемъ Кончетты, послушно отправился вмѣстѣ съ нею.

Конечно, они оба были встрѣчены весьма шумно и привѣтливо. Старый оперный артистъ, преобразившійся теперь въ преподавателя пѣнія, восторженно заговорилъ:

— О, мадмуазель, если кто можетъ надѣяться на блестящую будущность, то это — вы! Я не говорю уже о вашихъ вокальныхъ средствахъ, онѣ прекрасны и при помощи моей методы разовьются еще лучше, но у васъ чудная фигура, красивое лицо и темпераментъ, которымъ рѣдкій обладаетъ.

— Вотъ видишь, мой милый, была-ли я права?— замѣтила Кончетта Гостомыжскому, когда они вышли отъ профессора.

Уроки начались. Кончетта ежедневно ходила заниматься.

Князь постоянно присутствовалъ на урокѣ. Онъ молча сидѣлъ въ уголку комнаты, наблюдая за пѣвшею итальянкою, точно очарованный, не сводя съ нея глазъ и чутко прислушиваясь къ каждому звуку ея мягкаго голоска.

Уроки и самая жизнь пѣвицы стоили не мало, но Арсеній безпрекословно исполнялъ всѣ прихоти, всѣ капризы итальянки. Поѣздки къ семьѣ въ Остендэ совершались неаккуратно, но Кончетта, боявшаяся, чтобы отношенія Гостомыжскаго къ ней не сдѣлались извѣстными его женѣ, постоянно сама посылала его въ Остендэ и, только благодаря этому обстоятельству, Гостомыжскій бывалъ тамъ.

XXXVI.

— Намъ скоро нужно будетъ возвратиться въ Россію, Арсюша, — обратилась однажды съ легкимъ укоромъ къ мужу Дуня, послѣ купаній значительно окрѣпшая,—а ты еще не начиналъ купаться. Неужели ты такъ занятъ въ Брюсселѣ, что не можешь хотя одну недѣлю удѣлить на это?

— Эти дѣла такъ долго и медленно тянутся, что и эти поѣздки сюда мнѣ приходится дѣлать урывками, —сознательно лгалъ женѣ Гостомыжскій.

— Но какъ-же ты оставишь ихъ, когда намъ придется возвращаться домой? — пытливо замѣтила княгиня.—Еще недѣли двѣ—и нужно уже ѣхать...

Князь перемѣнился въ лицѣ, онъ совсѣмъ упустилъ изъ вида это обстоятельство и теперь необходимость отъѣзда жены разстраивала всѣ его планы.

— Вѣроятно... мнѣ придется остаться въ Брюсселѣ еще на нѣкоторое время... — запинаясь отвѣтилъ онъ.

— Значитъ, я должна буду возвращаться въ Петербургъ одна, безъ тебя? Ты подумай, какъ бабушка будетъ этимъ недовольна!

— Нисколько, ей будетъ пріятно узнать, что я хлопочу объ устройствѣ крупнаго дѣла...

— Да скажи-же мнѣ, пожалуйста, что это за дѣло? —нетерпѣливо перебила его жена,—ты мнѣ, Арсюша, ничего не говорилъ о немъ раньше... я писала бабушкѣ, она тоже интересуется имъ и пеняетъ на тебя за то, что ты самъ пересталъ ей писать.

— Я такъ занятъ,—пробормоталъ Арсеній.

— Такъ разскажи-же мнѣ, въ чемъ заключается это дѣло.

Гостомыжскій задумался; вопросъ былъ черезчуръ неожиданъ, а онъ не приготовился отвѣчать на него.

— Это... это, моя милая, крупная концессія въ Россіи на одно громадное рудное предпріятіе,—импровизировалъ молодой человѣкъ, — бельгійскій синдикатъ беретъ это дѣло, но желаетъ раньше детально ознакомиться съ нимъ; съ этой цѣлью на мѣстонахожденіе рудныхъ залежей поѣхалъ инженеръ, а здѣсь ежедневно собираются засѣданія, обсуждаютъ...

— Ну, а ты при чемъ тутъ?—живо перебила его Дуня.

— Меня намѣтили на мѣсто одного изъ директоровъ, ввиду необходимости имѣть одного русскаго.

— Придется вносить деньги? — спросила практическая молодая женщина.

Князь неопредѣленно качнулъ головой.

— Вѣроятно, некрупную сумму нужно будетъ внести.

Евдокія Семеновна подавила вздохъ невольнаго сожалѣнія о мужѣ, остающемся въ Бельгіи, и снова спросила его:

— Но какъ скоро ты предполагаешь все это кончить?

— Трудно сказать, я буду стараться поскорѣе вырваться отсюда...—неопредѣленно отвѣтилъ князь, но, чувствуя, что онъ говоритъ неискренне, замолчалъ.

А княгиня, тотчасъ-же почувствовавъ эту неискренность, попытала укорить мужа:

— Я не могу понять, Арсюша, что съ тобою, ты такъ перемѣнился ко всѣмъ намъ въ послѣднее время, никогда не взглянешь на Колю, не спросишь о его здоровьѣ... какой-то сталъ разсѣянный, озабоченный... Скажи, голубчикъ, открой мнѣ, что тебя такъ тяготитъ, авось вдвоемъ подумаемъ, потолкуемъ...

Каждое слово жены ядовитымъ жаломъ впивалось въ душу князя, онъ мучился своею ложью, онъ страдалъ отъ невозможности разсказать близкому человѣку, еще недавно такъ ему дорогой женѣ.

Одно мгновенье онъ, подобно всѣмъ безхарактернымъ людямъ, готовъ былъ все ей разсказать, просить, молить ее вырвать, спасти его отъ этой такъ властно охватившей его страсти, увезти его далеко отсюда, туда, домой, къ бабушкѣ, гдѣ онъ разъ уже нашелъ себѣ вѣрный пріютъ, гдѣ онъ излечился отъ любовной горячки. Арсеній, это бѣдное, безвольное, больное дитя, инстинктивно искалъ себѣ защиты отъ самого себя, погибая отъ своей безхарактерности, отъ отсутствія крѣпкихъ нравственныхъ устоевъ. Но это мгновеніе, этотъ порывъ самосохраненія, быстро миновалъ. Дуня не поняла его; она, догадываясь о духовномъ разладѣ, происходившемъ съ ея мужемъ, не рѣшалась настаивать и князь, изъ какого-то ложнаго стыда, снова поддался той силѣ, которую зовутъ страстью.

— Вотъ глупости ты выдумала! — дѣланно улыбнулся онъ въ отвѣтъ на замѣчаніе жены,—ничѣмъ я не разстроенъ! Просто заботы, думы о дѣлѣ... вотъ и все.

Княгиня печально наклонила голову. Она сознавала, что мужъ говоритъ неправду, и не стала больше допытываться. Старая Ухина, ближе знавшая характеръ внука, сразу поняла-бы, что онъ что-то скрываетъ отъ нея, и до тѣхъ поръ не успокоилась-бы, пока не разузнала-бы всего подробно. Евдокія Семеновна не могла такъ поступить, она еще не имѣла жизненнаго опыта Анфисы Матвѣевны.

XXXVII.

Черезъ двѣ недѣли Дуня съ сыномъ и прислугою уѣхала въ Петербургъ. Арсеній проводилъ ихъ до Кельна и затѣмъ вернулся обратно въ Брюссель подъ тѣмъ-же предлогомъ—дѣла.

— Поторопись, дорогой мой, — просила молодая княгиня мужа, прощаясь съ нимъ на громадномъ кельнскомъ вокзалѣ, — помни, что тамъ, далеко въ Россіи, скучаетъ по тебѣ бабушка и я.

Арсеній не находилъ словъ, чтобы отвѣтить ей; онъ больше молчалъ, такъ какъ сознаніе своей вины связывало ему языкъ.

— Какъ только окончу дѣло, — несвязно бормоталъ онъ,—сейчасъ-же пріѣду домой...

— Пиши, чаще пиши! — упрашивала его молодая женщина,—бабушка очень проситъ тебя объ этомъ; пока я была здѣсь, она получала всѣ свѣдѣнія отъ меня, съ моимъ-же отъѣздомъ ей неоткуда будетъ знать, какъ ты здѣсь живешь. Голубчикъ, Арсюша, пріѣзжай скорѣе!

Поѣздъ тронулся, увозя два самыя близкія князю существа. Въ какомъ-то полузабытьѣ онъ сѣлъ въ обратный поѣздъ и поздно вечеромъ вернулся въ Брюссель.

Съ нѣкоторыхъ поръ Кончетта поселилась въ томъ-же отелѣ, гдѣ проживалъ и Арсеній. Она еще не спала, когда князь постучалъ въ дверь ея комнаты. У нея сидѣлъ профессоръ.

— Ты уже вернулся? молодецъ Арси! — замѣтила пѣвица.

Профессоръ собрался уходить; въ дверяхъ, прощаясь съ княземъ, онъ увѣренно заявилъ ему:

— Вы увидите, о, вы всѣ увидите, что это будетъ за артистка! она покоритъ всѣхъ слушателей.

Итальянка, довольная похвалами своего учителя, внимательно слушала его и, когда онъ кончилъ, капризнымъ тономъ балованнаго ребенка замѣтила:

— Но когда-же, когда, маэстро, вы выпустите меня на сцену въ партіи?

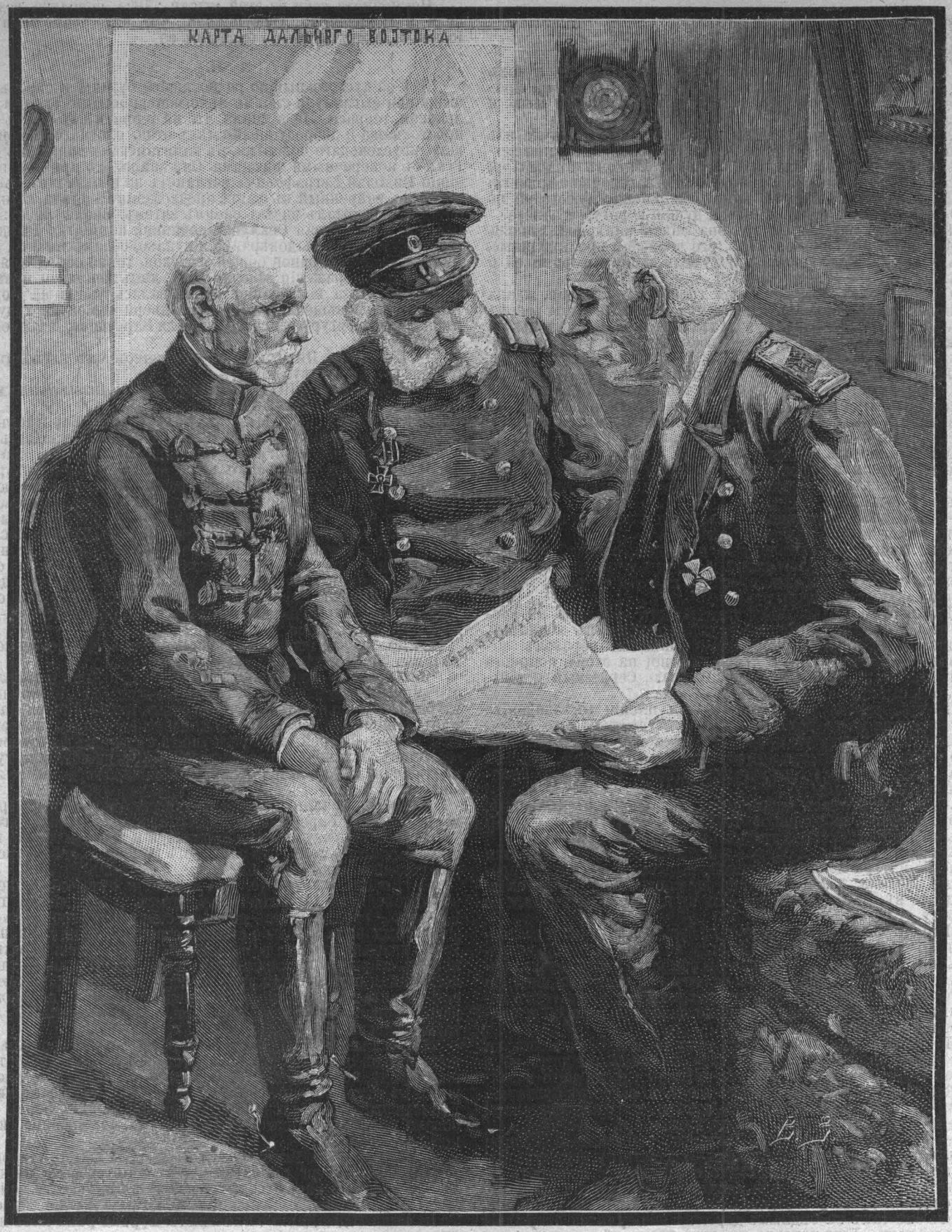
— Будьте покойны, мое дитя, скоро, скорѣе, чѣмъ вы это думаете.

— Въ чемъ? въ какой оперѣ? гдѣ?—засыпала его вопросами пѣвица.

Старикъ улыбнулся и комически зажалъ уши.

— Вы не жалѣете вашего прекраснаго голоса, мадмуазель; своевременно я вамъ все объясню, все устрою!.. Доброй ночи!

(Продолженіе будетъ.)



ИНВАЛИДЫ. Съ картины **М. П. Крошечкина** гравир. для „Родины“ **В. Зубчаниновъ**.

Рындичъ.

Разсказъ Л. Чарской.

I.

ЛОДКА причалила къ берегу...

Ласковое, спокойное озеро тихо сіяло въ лучахъ луны своими зелеными водами. Кто-то пѣлъ на противоположномъ берегу высокимъ тенороми тихо и протяжно.

Лиза оперлась на руку Рындича и легко выпрыгнула изъ лодки. Въ наступающихъ сумеркахъ іюльской ночи, при легкомъ сіяніи молодого мѣсяца, яркимъ бликомъ бѣлѣла ея свѣтлая кофточка да большіе глаза сіяли загадочно и красиво.

Лиза любила Рындича, этого совершенно чужого ей по духу болгарина съ наивной, ясной душой и фигурой атлета.

И Рындичъ любилъ ее, это она знала навѣрное, любилъ горячо, много. По крайней мѣрѣ, его черные и простодушные, какъ у всякаго южанина, глаза безъ словъ говорили ей о томъ.

Она еще тамъ, въ лодкѣ, вся трепеща и замирая, ждала его признаніе, но признаніе не послѣдовало и Лиза вся разомъ какъ-то съежилась вдругъ и стала похожей на маленькую, обиженную дѣвочку. То, чего они жаждали оба, такъ и осталось недоговореннымъ...

Лиза знала, что не скоро представится второй такой случай, когда такая-же благоухающая, теплая ночь обвѣетъ ихъ своими крыльями и натолкнетъ Рындича на горячее и пылкое признаніе. И Лиза шла, грустная и обиженная, тяжело опираясь на руку своего спутника, вдоль кленовой аллеи.

Мѣсяцъ игралъ на лицѣ Рындича, на свѣтлыхъ пуговицахъ его кителя и серебрилъ пепельныя косы Лизы, дѣлая весь обликъ дѣвушки таинственнымъ и фантастическимъ, какъ въ сказкѣ.

— Рындичъ!—произнесла Лиза тихо и немного грустно,—что-то у васъ теперь дѣлается дома?

Онъ любилъ говорить о домѣ, о родинѣ, о своей далекой Болгаріи и теперь, благодарно и значительно заглянувъ въ глаза своей спутницѣ, тихо прижалъ къ себѣ ея руку, довѣрчиво покоившуюся на его рукѣ.

Рындичъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ пріѣхалъ въ Россію, чтобы отдаться любимой наукѣ.Онъ выбралъ медицину, ощущая въ себѣ призваніе врача, а главнымъ образомъ, сознавая всю необходимость своей помощи на этомъ поприщѣ тамъ, далеко, въ миломъ его сердцу краю. Серьезный и дѣльный, онъ страстно отдался наукѣ.

Теперь, черезъ три года по поступленіи въ академію, онъ, несмотря на то, что былъ только студентомъ 4-го курса, уже получилъ завидную практику въ земской больницѣ уѣзднаго городка, поблизости котораго были «Свѣтляки», усадьба отца Лизы, Николая Евграфовича Огнева, отставного капитана морской службы.

Лиза встрѣтилась впервые съ Рындичемъ въ больницѣ, куда привезла заболѣвшую горничную Ѳеклушу, и съ той поры онъ сталъ частымъ гостемъ въ «Свѣтлякахъ».

Лиза его полюбила сразу... увидѣла и полюбила. Простая и чистая натура молодой Огневой, выросшей въ глуши провинціи, искала такой-же души, неиспорченной и чистой и, найдя ее въ лицѣ Рындича, вся отдалась охватившему ее чувству.

Его энтузіазмъ, его горячая любовь къ родинѣ и восторгали, и удивляли ее. Она никогда не задавала себѣ вопросовъ: патріотка-ли она? любитъ-ли она свою Россію, свою природу, свой народъ такъ, какъ любитъ все свое Рындичъ? Но въ то-же время она не могла не преклоняться предъ тѣмъ могучимъ чувствомъ, которое всецѣло овладѣло горячей и благородной душой молодого врача.

И сейчасъ, идя съ ней подъ руку по кленовой аллеѣ, на ея вопросъ о родинѣ, онъ съ жаромъ сталъ говорить ей о милой Софіи, гдѣ такъ ждутъ его пріѣзда, гдѣ на него возлагается столько надеждъ, столько вѣры, и о сестрѣ Султанкѣ, такой-же дѣятельной и горячей, какъ и онъ самъ, созданной имъ-же и жаждущей дѣла, работы, какъ и онъ.

— Султанка,—говорилъ Рындичъ, поблескивая своими бѣлыми зубами и черными глазами,—совсѣмъ, ну, совсѣмъ какъ я... горячая голова... Тоже ѣхать сюда хотѣла, поступать въ институтъ медичекъ, да мать больную нельзя было оставить! Ну, смирилась, конечно, теперь открыла у себя тамъ общину, шьютъ онѣ тамъ на бѣдныхъ даромъ и школу также открыли... Хорошо такъ... Еще недавно просила книгъ ей выслать, русскому языку учиться хочетъ. Потомъ мнѣ на смѣну придетъ, когда я буду уже тамъ, и будетъ учиться... Головка у нея свѣтлая...

Лиза прислушивалась къ тому, что ей говорилъ Рындичъ, и сейчасъ, несмотря на все ея уваженіе къ его чувству патріотизма и добраго семьянина, гдѣ-то въ самой глубинѣ ея души шевелилось глухое раздраженіе и противъ этой чуждой ея сердцу Болгаріи, и противъ смуглой, черноглазой дѣвушки, открывающей школы и мастерскія для блага того-же чуждаго ей, Лизѣ, народа.

Но, поймавъ себя на этой мысли, Лиза невольно вздрогнула и покраснѣла. Она поняла, что недостойно ревнуетъ Рындича, и жгучій стыдъ охватилъ ее.

II.

Изъ-за кустовъ пышно разросшейся бузины и сирени неожиданно выглянула своими ярко освѣщенными окнами маленькая терраса. Лиза знала, что на террасѣ ихъ ждутъ чай, простокваша и добродушный смѣхъ отца, плотнаго и довольнаго, кругленькаго человѣка, въ капитанскомъ морскомъ сюртукѣ съ поперечными погонами. Она знала, что при ихъ появленіи Николай Евграфовичъ взглянетъ на нее значительно и серьезно, увѣренный въ фактѣ предложенія Рындича, котораго онъ давно жаждалъ видѣть своимъ зятемъ. Знала Лиза заранѣе, что и смазливая Ѳеклуша, недавняя паціентка Рындича, тоже улыбнется имъ довѣрчиво и лукаво, обоимъ вмѣстѣ, и ей, Лизѣ, и Рындичу, одной общей улыбкой, точно объединяя ихъ въ своемъ воображеніи въ одну пару, какъ жениха и невѣсту. И потому Лиза несказанно обрадовалась, увидя на порогѣ террасы, въ освѣщенной амбразурѣ двери высокую, худую и мѣшковатую фигуру земскаго дѣятеля Барсукова, ихъ сосѣда по усадьбѣ.

— Елизавета Николаевна! — произнесъ онъ глуховатымъ голосомъ.—Здравствуйте!

— Здравствуйте, Игнатій Павловичъ!—и Лиза пожала худощавую руку, протянутую ей.

Болѣзненный на видъ, сухой и нервный Барсуковъ казался много старше своихъ 35 лѣтъ. Несчастья, казалось, съ колыбели преслѣдовали этого человѣка. Недавно его сразило послѣднее, самое тяжелое изъ нихъ: онъ потерялъ жену, которую горячо любилъ. Четверо ребятишекъ-сиротъ, оставшихся на его рукахъ, не могли служить ему утѣшеніемъ, потому что были распущены и капризны, предоставленные самимъ себѣ и лишенные матеріальной заботы. Только послѣдняя дочурка, трехлѣтняя Нюша, или Ласточка, какъ ее называли за ея милое, ласковое щебетаніе въ домѣ, радовала отца, сглаживая отчасти его печали и невзгоды. И теперь, сидя за чайнымъ столомъ, Барсуковъ любовно распространялся о дѣтяхъ, особенно о Ласточкѣ, которую называлъ ангеломъ-хранителемъ своего дома.

— Да, тяжело вамъ!—произнесъ Огневъ, сочувственно покачивая своей сѣдѣющей головою.

— Не легко!—подтвердилъ Барсуковъ, и Лизѣ показалось, что какое-то озлобленіе и жесткое негодованіе мелькнуло въ глубинѣ его большихъ страдальческихъ глазъ.—Вчера, напримѣръ, я не спалъ всю ночь,—помолчавъ съ минуту, произнесъ онъ снова.—Второй мальчикъ упалъ съ дерева и подвернулъ себѣ ногу, всю ночь я клалъ ледъ. Дѣти шаловливы, гувернантка едва справляется съ ними. Конечно, когда была жива Маша...

Глубокая печаль смѣнила на минуту озлобленное выраженіе въ глазахъ Барсукова, и Лизѣ стало до слезъ жаль его.

Черезъ секунду онъ уже оправился немного и горячо говорилъ Рындичу о томъ, что завидуетъ молодежи, не обремененной семьей и заботами о ней.

— Почемъ вы знаете, что и у меня нѣтъ обязанностей чисто-семейнаго характера?—произнесъ рѣзко, почти грубо Рындичъ,—развѣ родина—не та-же семья, требующая отъ каждаго гражданина заботы о себѣ и о своихъ младшихъ членахъ? Развѣ каждый изъ нихъ не имѣетъ права расчитывать на помощь старшаго и сильнѣйшаго изъ нихъ? И эта забота, эта постоянная болѣзненная дума о своей маленькой, безпомощной странѣ, вѣчно тѣснимой и придавливаемой, не сможетъ развѣ сравниться съ тѣми заботами, отъ которыхъ вы меня такъ отечески предостерегаете?

Глаза Рындича ярко блестѣли. Бѣлые зубы сверкали изъподъ черной полоски усовъ. Барсуковъ, миролюбивый и тихій по природѣ, не любившій горячности и споровъ, уже раскаивался въ томъ, что завелъ этотъ разговоръ съ болгариномъ. Его издерганные послѣдними душевными ранами нервы требовали успокоенія. Поэтому онъ сказалъ миролюбиво, почти кратко:

— Ахъ, Данило Власовичъ, я не задаюсь такими широкими цѣлями! Мы—люди маленькіе, тихіе и интересы у насъ—не тѣ, что у васъ. У насъ весь кругъ нашей дѣятельности: земство, уѣздъ и домъ, семья. Большими полетами мы не задаемся. Тихи наши воды, Данило Власовичъ. Бурная рѣка насъ не захватитъ своимъ теченіемъ.

— Это—эгоизмъ!—произнесъ сквозь зубы Рындичъ,—отдай всѣ свои силы, всего себя на общее благо и тогда только можешь назваться человѣкомъ.

— Эхъ, юноша! — сочувственно произнесъ Барсуковъ и ироническая улыбка слегка тронула его губы.—Счастливы вы вашей вѣрой, вашимъ сознаніемъ своей пользы и дай Богъ, чтобы сознаніе это жило еще въ васъ долго-долго...

Лизѣ непріятенъ былъ этотъ разговоръ, какъ что-то не-

нужное, постороннее. Она стояла по убѣжденію на сторонѣ Рындича, но крѣпкая досада на него-же, на эту его непрошенную экзальтацію заставляла ее раздражаться, почти злиться на него.

Барсуковъ допилъ свой чай и, ссылаясь на больную ногу его сына, Володи, распрощался и уѣхалъ. За нимъ поднялся и Рындичъ.

Лиза провожала его до калитки.

— Знаете!—неожиданно обратился онъ къ ней, задерживая ея руку въ своихъ,—какое я письмо напишу сегодня Султанкѣ!.. О васъ напишу... Какая вы добрая и понятливая! Да, да, именно понятливая,—подхватилъ онъ, увлеченный собственнымъ подходящимъ эпитетомъ.—Много барышенъ приходилось мнѣ встрѣчать на моей дорогѣ и ни одна изъ нихъ не могла, не умѣла такъ понимать меня и сочувствовать мнѣ!

«Ахъ, если-бы ты любилъ меня,—болѣзненно шепнула душа Лизы,—ты заговорилъ-бы иначе!»

Какъ-бы угадывая ея тайную грусть, Рындичъ взялъ обѣ руки дѣвушки въ свои и произнесъ тихо-тихо, чуть слышно:

— Какая вы хорошая, Лиза, и какъ будетъ счастливъ человѣкъ, который назоветъ васъ своею!

Потомъ они разстались.

III.

Въ домѣ Барсуковыхъ стряслось несчастье. Бѣленькая, нѣженькая Ласточка, по недосмотру няньки, свалилась въ прудъ и теперь лежала въ тифозной горячкѣ, борясь со смертью.

Лиза вызвалась ходить за больной малюткой. Она собственноручно мѣняла ледъ на головкѣ дѣвочки, давала ей микстуру и ни на шагъ не отходила отъ ея постели. Когда пріѣзжалъ Рындичъ, пользовавшій дѣвочку, она выходила къ нему съ темными кругами подъ глазами, блѣдная и слабая послѣ безсонной ночи. Барсуковъ, положительно потерявшій голову отъ страха за жизнь своей любимицы, смотрѣлъ на Рындича и на Лизу, какъ на добрыхъ волшебниковъ, ожидая отъ нихъ той магической силы, которая должна была исцѣлить его больную.

Они сидѣли всѣ трое по краямъ ласточкиной постельки. Рындичъ осторожно выслушивалъ едва бившееся сердце ребенка.

Къ утру ждали кризиса. Ласточка задыхалась. Она жалобно, какъ неоперившійся птенчикъ, раскрывала ротикъ, изъ котораго вылетало свистящее дыханіе, тяжелое и шумное, какъ у взрослой, и поводила почти безумными глазами, нестерпимо блестящими отъ жара.

И Рындичъ, на котораго были направлены теперь взгляды отца, полные надежды и робости, осторожно и послѣдовательно боролся со смертью, тихо, но властно отнимая отъ нея худенькое, слабенькое тѣльце ребенка.

И наука сдѣлала свое дѣло. Молодой врачъ торжествовалъ. Ласточка была спасена.

Когда алая красавица-заря охватила полнеба на востокѣ и запылала на немъ кровавымъ заревомъ восхода, Лиза, вышедшая на минуту къ пруду, къ тому самому пруду, гдѣ тонула несчастная Ласточка, лицомъ къ лицу столкнулась съ Рындичемъ, мрачнымъ и блѣднымъ, съ угрюмо-сдвинутыми бровями.

— Что съ вами? — почти вскрикнула Лиза, пораженная его убитымъ видомъ и мрачно горѣвшими глазами.— Вѣдь, опасность миновала и Ласточка спасена!

— Да,—глухимъ эхо вторилъ ей медикъ,—опасность миновала и Ласточка спасена, но... я получилъ письмо... оттуда... съ родины... тамъ были три заболѣванія чумы... Сестра пишетъ... Мнѣ надо туда ѣхать... необходимо...

— Но это—безуміе, Рындичъ!—почти крикнула Лиза, — а ваша академія?.. карьера?

— Академія?.. карьера?.. — произнесъ онъ съ ожесточеніемъ. — Вы—умная дѣвушка, а говорите вздоръ... Я нуженъ тамъ... поймите, нуженъ на родинѣ, а все, что не касается ея, мнѣ чуждо и далеко. Къ тому-же я достаточно силенъ въ теоріи и неоконченный послѣдній курсъ науки не можетъ быть ущербомъ моему знанію. Я самообразованіемъ и практикой дополню его!

Онъ говорилъ горячо и вѣско, гордый и увѣренный въ самомъ себѣ. И Лиза слушала, глубоко проникнутая правдой его рѣчи, не замѣчая даже крупныхъ, тяжелыхъ слезинокъ, поочередно скатывавшихся по ея поблѣднѣвшимъ щекамъ.

Онъ внезапно умолкъ, замѣтя, наконецъ, эти слезы, и ѣдкая жалость засосала его сердце.

— Лиза,—произнесъ онъ ласково и нѣжно, — не браните меня... не проклинайте. Я знаю, что вы любите меня, потому что самъ люблю васъ больше сестры, больше матери, больше жизни... но не больше родины, Лиза, и это разлучитъ насъ. Я охотно взялъ-бы васъ съ собою, мы женились-бы... и, можетъ быть, были-бы даже счастливы нѣкоторое время,—увы!—да, только нѣкоторое время... но потомъ вы, блѣдный и нѣжный цвѣтокъ сѣвера, требующій постоянной поддержки и заботы о себѣ, вы будете упрекать меня недостаткомъ вниманія къ себѣ, въ томъ, что я отдалъ всего себя на пользу моей первой главной жены, которой имя — родина и которая по праву должна имѣть больше требованій, нежели вы. Я не могу и не хочу быть двоеженцемъ, Лиза, и потому ухожу отъ васъ навсегда, благо не успѣлъ еще сдѣлать васъ несчастной, закабаливъ бракомъ съ собою. И вы сами поблагодарите меня потомъ за это, мысленно поблагодарите, когда я буду далеко. Я не буду разыгрывать изъ себя рыцаря, ни лгать вамъ. Я, люблю васъ и буду долго-долго страдать безъ васъ, но когда моя острая мука притупится, то я не ручаюсь за то, что не женюсь на дѣвушкѣ изъ народа, изъ моего народа, способной отдать себя такъ-же на пользу родины, какъ и я, всю безъ изъятья. Мы—люди разной крови, мы — дѣти двухъ различныхъ отчизнъ и вы не сможете отдаться ей, моей отчизнѣ, какъ и я не могъ-бы отдаться вашей...

Онъ круто оборвалъ рѣчь не то утвердительно, не то полувопросомъ...

И Лиза подняла на него глаза, полные скорби, въ то время какъ ея губы произнесли ихъ тихое и гордое «нѣтъ».

И Рындичъ осторожно склонился къ этимъ гордымъ губамъ, отвергшимъ то, что онъ любилъ такъ сильно, и прикоснулся къ нимъ поцѣлуемъ, первымъ и послѣднимъ въ его жизни. Потомъ онъ пошелъ полями, ближайшей дорогой къ городу.

Лиза машинально повернула отъ пруда назадъ къ дому, гдѣ ее ждали больная Ласточка и трое маленькихъ мальчугановъ Барсукова, требующихъ отъ нея ласки и заботы. И на сердцѣ ея было какъ-то холодно и прозрачно, и въ то-же время просто и ясно, мучительно, до боли ясно и просто.

IV.

Въ большомъ госпиталѣ въ Софіи, въ хирургическомъ отдѣленіи только что ампутировали ногу больному.

Рындичъ, блѣдный, но спокойный на видъ, вымылъ руки растворомъ сулемы, сбросилъ бѣлый, запятнанный кровью халатъ подоспѣвшему служителю и вышелъ черезъ заднее крыльцо госпиталя на дворъ, направляясь къ своему крошечному докторскому флигельку, находящемуся поблизости главнаго зданія.

Ему открыла двери рослая, сильная чернобровая дѣвушка, какъ двѣ капли воды похожая на него.

— Тебѣ письмо, Данило, изъ Руссіи,—произнесла она, протягивая ему конвертъ.

Данило, Власовичъ схватилъ, почти вырвалъ письмо изъ рукъ сестры и тутъ-же, у двери, прочелъ его.

«Милый другъ,— писала Лиза своимъ мелкимъ, словно бисернымъ почеркомъ,—годъ тому назадъ, разставаясь со мною, вы сказали, что я поблагодарю васъ, и вы были правы. Я благодарю васъ, Рындичъ, отъ всей души благодарю за данный мнѣ вами примѣръ самоотреченія и самозабвенья. Я долго страдала, силясь позабыть васъ, и я осилила мои страданья, отдавъ себя всю на пользу близкимъ. И теперь я счастлива, да, счастлива сознаніемъ того, что я нужна, необходима, какъ воздухъ, для тѣхъ, кому отдала себя. И это-то сознаніе дѣлаетъ меня сильной и большой, Рындичъ, настолько большой, что я не стыжусь писать вамъ объ этомъ. Спасибо вамъ, Рындичъ, что вы помогли мнѣ «найти себя» и стать человѣкомъ, какимъ надо и должно быть.

«У меня есть семья, мужъ, дѣти, ради которыхъ я пойду на трудъ, на борьбу, на муку. Нѣтъ нужды, что этотъ мужъ не любимъ мною безумно, что эти дѣти рождены не мною, но я выстрадала ихъ моими нервами и силами во время ихъ болѣзней и невзгодъ.

«Я пишу вамъ это потому, что два года тому назадъ, любя васъ такъ сильно, я негодовала на васъ за то, что вы не пожелали промѣнять ваши лучшія чувства на мизерное и ничтожное влеченіе къ чужой почти дѣвушкѣ, любившей васъ, однако, настолько, чтобы заставить себя признать вашу родину и вашъ народъ своими.

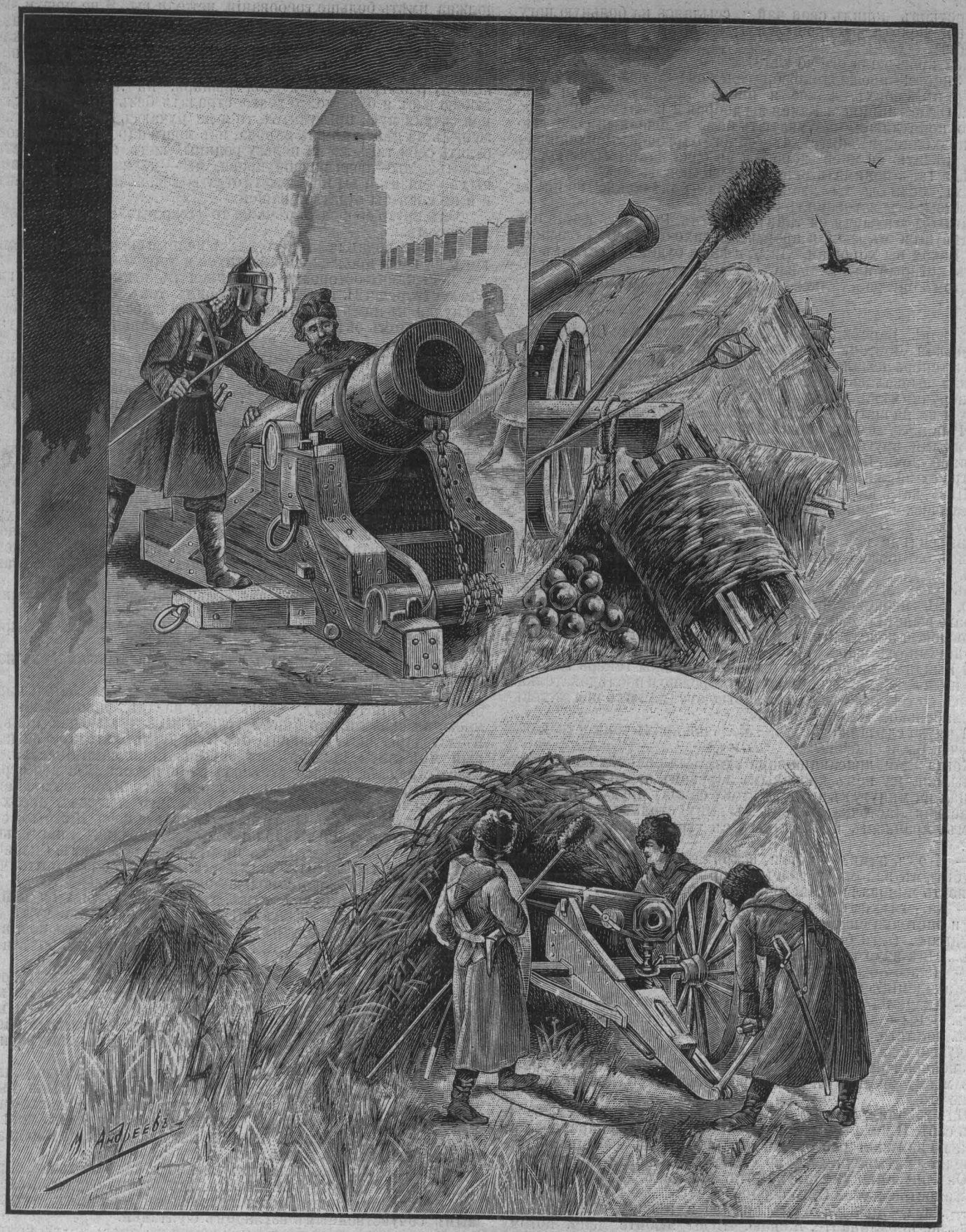
«И эта дѣвушка теперь поняла, что ей много надо усилій надъ собою, чтобы подняться до одного уровня съ вами, Рындичъ, и она поднимется, увидите, можетъ, не скоро, но все-таки будетъ полна самоотреченія, какъ и вы, дорогой братъ мой!

«Прощайте, Рындичъ. Желаю вамъ всего, всего хорошаго въ жизни. Лиза Барсукова».

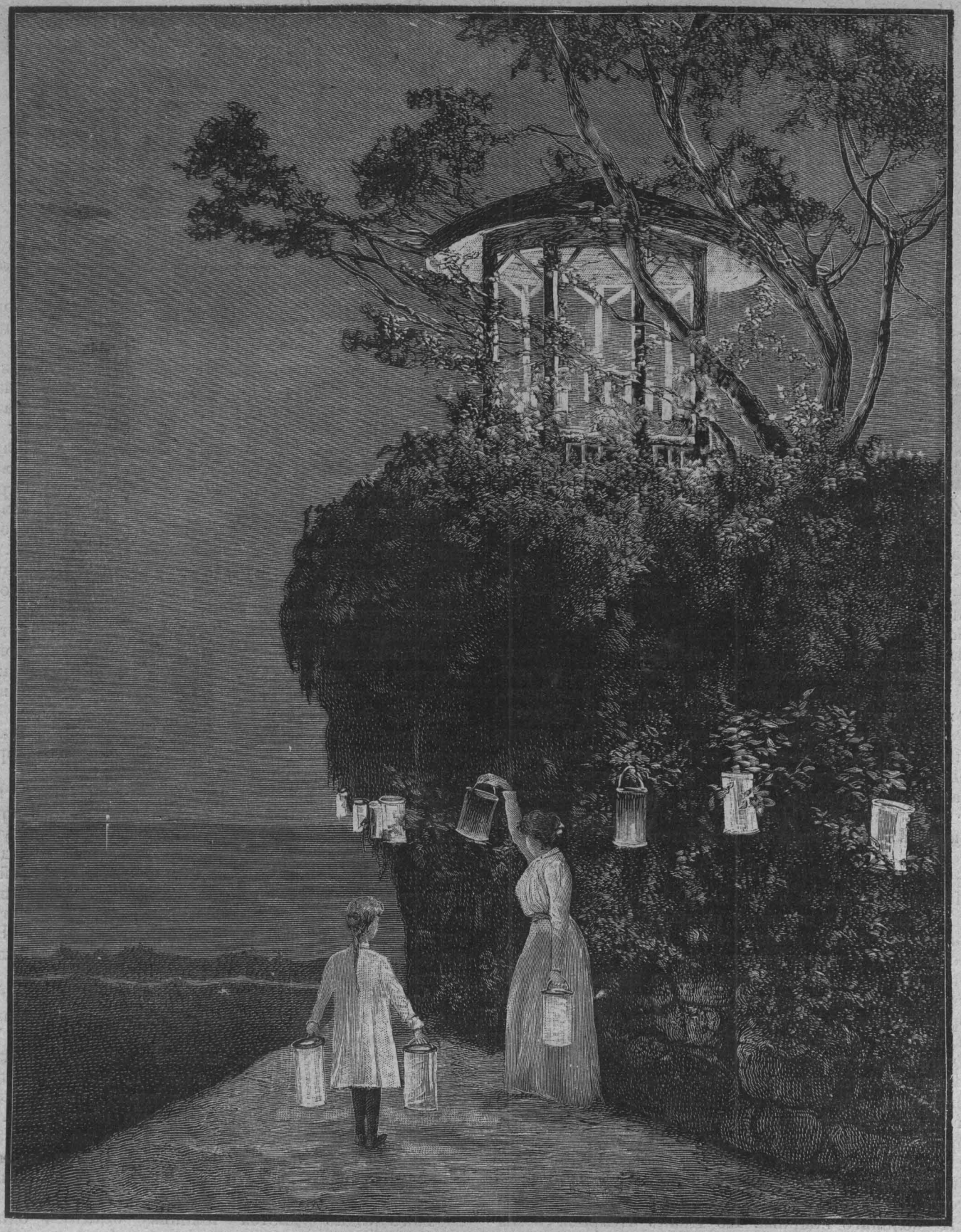
Рындичъ кончилъ, сложилъ письмо и, какъ святыню, спряталъ его на груди у того мѣста, гдѣ билось сердце. Потомъ онъ оглянулся и встрѣтился глазами съ горящимъ, тоскливымъ, сочувственнымъ взглядомъ Султанки.

Братъ и сестра, не говоря не слова другъ другу, крѣпко обнялись, полные одного сознанія, одного чувства. И въ глазахъ обоихъ стояли слезы.

Конецъ.



АРТИЛЛЕРІЙСКІЙ БОЙ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ. Оригин. рисун. **М. Андреева**; гравир. для „Родины“ **Б. Пуцъ**.



ДЕНЬ АНГЕЛА. Съ картины Е. И. Столицы гравир. для „Родины“ Б. Пуцъ.

Безъ возврата.

Я помню, по сонному саду
Мы долго бродили съ тобой,
Вдыхали ночную прохладу
И слушали шорохъ ночной.
И долго, подъ сумракомъ ночи,
Смотрѣли съ улыбкой любви,
Ты—въ свѣтлыя звѣздныя очи,
Я—въ темныя очи твои.

Не знаю, что звѣзды сказали,
Но очи... Я помню мечты...
И звѣзды вдали угасали.
—«До завтра»,—шепнула мнѣ ты.
Сегодня ночныя свѣтила
Горятъ надо мной, какъ тогда;
А очи закрыла могила
И грустно шепчу:—«Навсегда»...

А. Селивановъ.

КРУШЕНІЕ.

Повѣсть

Вал. Я. Свѣтлова.

(Продолженіе.)

БАРЫШНИ высказали еще нѣсколько лестныхъ для артиста мнѣній, но ихъ прервала Елизавета Антоновна.

— А я вамъ скажу новость, барышни, въ награду! — заявила Елизавета Антоновна. — Кедринскій женится.

— Ну? На комъ?

— На Натаровой.

— На массажисткѣ? Быть не можетъ!

— Нѣтъ, это вѣрно! — сказала Елизавета Антоновна.—Онъ вчера сдѣлалъ ей предложеніе.

— И скоро свадьба?

— Говорятъ скоро... Недѣли черезъ двѣ, — подумавъ, сказала она.

Всѣ гурьбой спустились внизъ.

Въ швейцарской, гдѣ обыкновенно публика задерживалась въ безконечныхъ разговорахъ, по русской манерѣ, прежде чѣмъ окончательно разойтись, уже передавали новымъ лицамъ о томъ, что Кедринскій обручился, что было оглашеніе, что отецъ жениха, генералъ-лейтенантъ, живущій въ Петербургѣ, прислалъ по телеграфу свое благословеніе. Были указаны даже церковь и священникъ и назначенъ даже день свадьбы. Словомъ, извѣстіе разрослось, облекалось въ плоть и кровь и пошло гулять по городу.

III.

Иванъ Петровичъ шелъ по Николаевскому бульвару и безпокойно озирался по сторонамъ.

Былъ довольно ранній часъ дня и въ воздухѣ пахло весной, хотя до весны еще было очень-очень далеко. Но зима стояла теплая, какъ всегда въ этихъ краяхъ; о настоящемъ снѣгѣ не было помина и тотъ, который изрѣдка выпадалъ, не могъ пролежать и пяти минутъ на мостовой. Но, тѣмъ не менѣе, по календарю стояла зима.

Ивану Петровичу очень хотѣлось весны и вотъ почему ему, можетъ быть, казалось, что весна не за горами, не за этими сине-фіолетовыми горами, которыя рисовались темными силуэтами на горизонтѣ города—тамъ, за Ольгинскимъ мостомъ, за рощами раинъ и платановъ. Эти рощи скрывали отроги горъ и теперь стояли, лишенныя своей главной красы—зеленаго покрова. Но Иванъ Петровичъ мысленно одѣвалъ ихъ въ эту свѣтло-зеленую ткань весны и на душѣ его становилось отрадно.

„Весна придетъ, весна непремѣнно придетъ“,—говорилъ онъ себѣ и онъ несъ въ себѣ это весеннее настроеніе, наполнившее его душу, бережно, черезъ весь городъ, боясь нарушить его неосторожнымъ шагомъ, неосторожнымъ словомъ, какъ трудно доставшійся ему даръ, о которомъ онъ такъ долго, такъ мучительно и такъ страстно мечталъ.

Прогулка по маленькому провинціальному городку тѣмъ непріятна, что не даетъ гарантіи одиночества.

Иванъ Петровичъ вспоминалъ свои прогулки по Петербургу. Тамъ, среди дѣловой и оживленной толпы, наполняющей улицы, онъ могъ оставаться одинокимъ и могъ мечтать, о чемъ угодно: ни онъ никого не зналъ, ни его никто не зналъ; да и люди тамъ, въ большой столицѣ, не живутъ, а служатъ или борятся за существованіе. Случайная встрѣча съ случайнымъ знакомымъ не можетъ прервать теченіе мыслей, потому что каждый идетъ по своему дѣлу и ограничивается торопливымъ поклономъ.

Здѣсь другое дѣло. Здѣсь люди тоже не живутъ, а прозябаютъ. И именно, вслѣдствіе этого уныло-постылаго прозябанія у нихъ образуется много времени, которое дѣвать рѣшительно некуда. И потому встрѣтившійся знакомый всегда радъ остановить пріятеля и завести съ нимъ длинный и никому и ни къ чему ненужный разговоръ. Это называется пріятельской болтовней.

Иногда отъ такого пріятеля не отдѣлаешься и въ полчаса, потому что онъ схватитъ свою жертву за пуговицу пальто или пригвоздитъ ее къ скамейкѣ на бульварѣ и не выпуститъ изъ своихъ цѣпкихъ рукъ до тѣхъ поръ, пока не выложитъ предъ ней всего, что его въ данную минуту интересуетъ. А его обыкновенно интересуютъ мелкія городскія дрязги и сплетни, происшествія въ клубѣ, семейныя непріятности обывателей, служебныя тайны областныхъ учрежденій или какіе-нибудь невѣроятные слухи непремѣнно о государственныхъ людяхъ, Богъ вѣсть какъ доходящіе до самыхъ отдаленныхъ угловъ нашей провинціи.

Вотъ такого стѣснителя и боялся Иванъ Петровичъ, шествуя по бульвару и безпокойно озираясь по сторонамъ.

Онъ хотѣлъ остаться одинъ во время этого длиннаго пути къ командиру полка и, въ концѣ пути, ему видѣлась та цѣль, къ которой онъ шелъ, не только теперь, въ это утро, но уже почти годъ.

Онъ нарочно пошелъ пѣшкомъ, а не взялъ фаэтона, какъ здѣсь назывались извозчичьи коляски; ему хотѣлось въ „послѣдній разъ“ побыть наединѣ съ собою и поговорить съ собою „по-душѣ“.

Такъ рѣдко удается человѣку остаться одному съ самимъ собою, хотя-бы онъ былъ и одинокъ! Человѣкъ боится своихъ мыслей и всегда сознательно или безсознательно старается отъ нихъ уклониться. Нужны настроеніе и извѣстная мужественная рѣшительность, чтобы изолировать себя отъ жизни и поставить себя лицомъ къ лицу съ мыслью.

И это удавалось Ивану Петровичу лучше всего на улицѣ, во время ходьбы.

Онъ былъ одинокъ въ этомъ городѣ, куда прибылъ на службу три года тому назадъ. Одинокъ онъ былъ всегда и тамъ, въ столицѣ, среди своей семьи товарищей и знакомыхъ. Ему всегда хотѣлось серьезной, трудовой и вдумчивой жизни, чего онъ не имѣлъ въ домѣ своего отца. Съ этой цѣлью онъ покинулъ Петербургъ и, при распредѣленіи вакансій, выбралъ этотъ захолустный городокъ, что произвело сенсацію въ его семьѣ.

Ему никогда не хотѣлось идти въ военную службу, которая ему казалась скучной и безцѣльной, въ особенности въ такую эпоху, когда государство утомилось войной и когда предстояло много созидательной работы въ устроеніи внутренней, гражданской жизни.

Но онъ былъ молодъ и ничего не могъ сдѣлать противъ настойчиво и деспотически выраженной воли отца, генералъ-лейтенанта и члена совѣта, который заставлялъ его пойти въ военное училище.

Ивана Петровича не любили въ этомъ городкѣ. Онъ туго и неохотно сходился съ людьми; онъ не былъ похожъ на молодого человѣка и былъ чужимъ въ этой средѣ провинціальнаго офицерства и чиновничества, занимавшагося картами, кутежами и сплетнями. Его принимали въ лучшемъ обществѣ городка, его старались сдѣлать своимъ, но онъ чуждался общества и никакъ не могъ войти въ его мелкіе-мелкіе будничные интересы.

Годъ тому назадъ въ его сердцѣ пышнымъ цвѣтомъ расцвѣла любовь. И съ тѣхъ поръ ему казалось, что вокругъ него цвѣтетъ весна; никому другому этого, конечно, не казалось и это внутренне оскорбляло Ивана Петровича. Часто люди позволяли себѣ заходить въ его тайный весенній, благоухающій садъ и грубыми руками мять любовно взращенные имъ цвѣты. Это оскорбляло его до глубины души, и съ тѣхъ поръ, какъ весна зацвѣла въ его душѣ, онъ сталъ еще больше сторониться людей и оберегать отъ ихъ любопытныхъ и равнодушныхъ взоровъ прелести своего тайнаго сада.

И вотъ насталъ моментъ положить всему этому конецъ. Годъ любви! Это—тотъ-же годъ войны, войны съ сомнѣніями, съ предразсудками, съ неувѣренностью въ себѣ и своихъ чувствахъ. Въ это время нужно было освѣтить сомнѣнія, покорить предразсудки, побѣдить неувѣренность въ своихъ силахъ и чувствахъ, укрѣпить въ себѣ волю и ясно поставить цѣль. Въ наши дни рѣдкая война длится больше года и рѣдко не хватаетъ года, чтобы придти человѣку къ рѣшенію, кореннымъ образомъ мѣняющему его жизнь.

Довольно сомнѣній, колебаній и борьбы! Все обдумано, все взвѣшено, если можетъ быть взвѣшено яркое и радостное чувство, которое зависитъ отъ влеченія сердца, а не отъ движеній разума.

Отчего ему не устроить своей жизни такъ, какъ онъ хочетъ? Зачѣмъ надо непремѣнно сообразоваться съ людскими желаніями и велѣніями? Жребій брошенъ и вынутъ; никто не можетъ и не долженъ помѣшать ему взять этотъ жребій. Никто!

По странной игрѣ жизни, Иванъ Петровичъ пришелъ къ этому окончательному рѣшенію недавно, недѣли двѣ тому назадъ, въ самой неподходящей обстановкѣ, въ клубѣ, послѣ разговора съ Матвѣемъ Семеновичемъ.

Ужъ, казалось-бы, менѣе всего онъ могъ ожидать, что пошловатый разговоръ Матвѣя Семеновича можетъ подѣйствовать на него столь рѣшительнымъ образомъ. Но теперь, когда онъ шелъ по бульвару и обсуждалъ въ уединеніи всѣ обстоятельства, приведшія его къ этому безповоротному рѣшенію, онъ ясно сознавалъ, что именно Матвѣй Семеновичъ подвинулъ его такъ сильно впередъ и что чуть-ли не онъ вызвалъ въ немъ къ жизни то, что давно уже притаилось въ глубинѣ его души.

Иванъ Петровичъ вздрогнулъ.

Кто-то окликнулъ его.

Вотъ то, чего онъ боялся больше всего. Сейчасъ какой-нибудь „стѣснитель“ подойдетъ къ нему, ухватитъ его за руку или за пуговицу и не отстанетъ отъ него со своими неинтересными разговорами, разсѣетъ его мысли, разгонитъ его чувства, и Ивану Петровичу придется опять долго искать того душевнаго равновѣсія, къ которому онъ, наконецъ, пришелъ.

— Вы шагаете такъ, что за вами не угонишься,— сказалъ Матвѣй Семеновичъ, догнавъ его.

— Ахъ, здравствуйте!

— Вы куда?—спросилъ инженеръ.

— Туда!—неопредѣленно отвѣтилъ Иванъ Петровичъ и указалъ рукой въ пространство.

— А... къ командиру?

— Да, къ командиру.

— А я въ рабочую казарму. Можно вмѣстѣ?

Иванъ Петровичъ незамѣтно пожалъ плечами.

— Можно,—сухо сказалъ онъ.

Матвѣй Семеновичъ, какъ всегда, былъ веселъ, беззаботенъ и жизнерадостенъ. Какъ всегда, онъ не прочь былъ поболтать—ему было рѣшительно все равно о чемъ, съ кѣмъ и какъ, лишь-бы былъ человѣкъ, который-бы шелъ или сидѣлъ съ нимъ рядомъ.

— Вы дуетесь еще?—спросилъ онъ у Ивана Петровича.

— Ничуть,—искренне отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.

И, дѣйствительно, онъ не ощущалъ въ себѣ никакого недоброжелательнаго чувства къ инженеру. Напротивъ, теперь онъ относился къ Матвѣю Семеновичу болѣе дружелюбно, чѣмъ когда-нибудь и чѣмъ къ кому-нибудь. Развѣ не онъ—въ сущности, безсознательный виновникъ того, что вотъ Иванъ Петровичъ идетъ теперь къ командиру съ твердымъ и готовымъ рѣшеніемъ, отъ котораго никогда не отступится?

— Тѣмъ лучше!—весело отвѣтилъ Матвѣй Семеновичъ.—Такъ непріятно, когда кто-нибудь дуется. То есть, непріятно должно быть тому, кто дуется. А не мнѣ... мнѣ все равно. Вообще, мнѣ всегда все равно. Ну, а знаете, въ этой дырѣ, если немногіе интеллигентные люди будутъ считать себя врагами другъ друга, такъ это что-же такое? Мы всѣ—здѣсь временные жители: васъ могутъ перевести въ другой городъ, я могу получить другую дорогу. Это—стажъ, временная стоянка, лагерь, этапъ жизни. Ну, такъ надо, чтобы этотъ этапъ прошелъ какъ можно незамѣтнѣе. Что такое жизнь? Я строю или чиню дорогу, вы учите солдатъ, что-ли; вице-губернаторъ пишетъ бумаги, а Екатерина Васильевна играетъ въ мушку. И всѣ говорятъ, что живутъ, и всѣ думаютъ, что ими движется жизнь. Вздоръ! Уведите отсюда вашъ полкъ; отберите отъ меня дорогу; увольте въ отставку вице-губернатора и даже губернатора и пусть Екатерина Васильевна и Елена Ѳедоровна перестанутъ играть въ мушку и сплетничать—все равно городъ будетъ стоять, клубный экономъ готовить скверную пищу и вотъ этотъ мостъ разрушаться. Что вы говорите?

— Ровно ничего.

— Вы не расположены философствовать?

— Нѣтъ, отчего-же! — иронически улыбнувшись, сказалъ Иванъ Петровичъ.—Но есть философія и философія. То, что вы говорите, не философія.

— А?..

— А словоизверженіе. Вы потрясаете воздухъ словами. Вы говорите не потому, что у васъ есть, что сказать, а потому что языкъ зудитъ.

— Вы любезны, какъ всегда. Что-жъ! Если философія помогаетъ отъ зуда... отчего-же и не пофилософствовать?

— Отъ зуда скорѣе помогаетъ какая-нибудь мазь.

— Иванъ Петровичъ!—торжественнымъ тономъ вскрикнулъ инженеръ.—Вы на опасномъ пути. Вы озлоблены. Почему вы озлоблены? Вы—человѣкъ молодой, хорошей семьи, со средствами...

— Сорокъ семь рублей восемьдесятъ шесть копеекъ въ мѣсяцъ жалованья, — улыбнулся Иванъ Петровичъ.

— Я не о жалованьѣ говорю. Я говорю о средствахъ вашего родителя.

— Они до меня не касаются,—сухо отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.—По-моему, человѣкъ, поставленный родителями на ноги и, такъ сказать, выпущенный ими въ жизнь, больше ничего не долженъ отъ нихъ требовать, а самъ зарабатывать на жизнь.

— Какая-же жизнь на сорокъ семь рублей восемьдесятъ шесть копеекъ!—пренебрежительно возразилъ Матвѣй Семеновичъ.—Жизнь—океанъ, нужно имѣть крѣпкую и хорошую, комфортабельную и элегантную яхту, чтобы плавать по ней. Въ утломъ челнокѣ далеко не уплывешь. Вотъ почему надо всегда заботиться о накопленіи средствъ, чтобы завести яхту. Что? Вы не согласны?

Иванъ Петровичъ нехотя отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не согласенъ.

— Почему? Развѣ вы не признаете шири жизни?

— Нѣтъ, не признаю.

— Но почему-же?

— Потому что жизнь—вовсе не океанъ, а болото. Я не признаю шири жизни. По-моему, жизнь узка, тѣсна и непривлекательна. Надо жить! Но это не значитъ, что жить—интересно или весело. Жизнь, это—подвигъ, но подвигъ узкій, личный, хмурый.

Онъ говорилъ это вяло, какъ-бы насильно выведенный изъ апатіи. Но потомъ, словно по инерціи, подчиняясь данному ему извнѣ толчку, онъ нѣсколько воодушевился.

— Жизнь — болото, — продолжалъ онъ нервнымъ тономъ.—Мы сидимъ и квакаемъ въ немъ, воображая, что мы—центръ міра, а мы—просто плѣсень на одной изъ безчисленныхъ планетъ. Радости наши узки и горе наше узко и отъ моихъ, напримѣръ, радостей и горестей вамъ ни тепло, ни холодно, какъ мнѣ—отъ вашихъ. Есть личное счастье—мое, а не ваше—и человѣчеству нѣтъ до него никакого дѣла.

— Что это за философія, не понимаю! — пожавъ плечами, сказалъ Матвѣй Семеновичъ.

— Другой не знаю. И нѣтъ другой! Какая можетъ быть философія, когда мы не знаемъ, для чего рождаемся и умираемъ, когда и то, и другое случайно? Развѣ муравей, котораго вы раздавили, гуляя по лѣсу со своей возлюбленной, знаетъ, почему вы именно его раздавили, а не божью коровку? И развѣ вы сами это знаете? Вы даже не замѣтили, что вы его раздавили. И если-бы вы, гуляя по лѣсу, думали о каждомъ комарикѣ и о каждомъ мурашѣ, чтобы его не раздавить, то вамъ нельзя было-бы гулять и даже просто жить на свѣтѣ. Вы—инженеръ, человѣкъ и ходите поэтому по лѣсу и давите мурашей. И есть какой-нибудь другой инженеръ, который тоже ходитъ по міру и такъ-же безсмысленно давитъ насъ—людей—мошекъ. Гдѣ тутъ смыслъ? Можетъ быть, онъ и есть, да онъ отъ насъ скрытъ и мы его не знаемъ.

— Узнаемъ когда-нибудь...

— Когда? — насмѣшливо спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Я не знаю. Когда-нибудь. А какъ-же такъ жить? Надо жить для счастья будущихъ поколѣній.

Иванъ Петровичъ вздернулъ плечами.

— Мнѣ кажется, вамъ самимъ смѣшно, когда вы повторяете эту банальщину. Такъ вы, роя вашу дорогу и получая отличное содержаніе, думаете о будущихъ поколѣніяхъ?..

Матвѣй Семеновичъ засмѣялся.

— Ну, можетъ быть, и нѣтъ. Я—не въ счетъ. Ибо мы, инженеры—не философы. А впрочемъ... и я, инженеръ, могу безсознательно приносить пользу людямъ. Вообще, когда живешь, всегда приносишь кому-нибудь пользу. И нѣтъ акта человѣческой дѣятельности, который не приносилъ-бы пользы человѣчеству. Вотъ, напримѣръ, я, инженеръ. Прекрасно! Про насъ говорятъ, что мы горку на ровномъ мѣстѣ срываемъ. Чудесно! Ну, положимъ, даже я срылъ такую горку и получилъ изъ казны деньги за это. Такъ что-же? Рабочимъ я уплатилъ за эту горку...

Иванъ Петровичъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на Матвѣя Семеновича.

— Пусть такъ, что изъ этого?

— А то изъ этого, что рабочіе—народъ. Значитъ, я казенныя деньги изъялъ изъ казны и обратилъ въ народное пользованіе. Рабочіе получили деньги и сами стали сытѣе и въ деревню отправили. И тамъ стали сытѣе. А сытый человѣкъ, въ свою очередь, жизнеспособнѣе и жизнедѣятельнѣе, слѣдовательно, способенъ принести еще и пользу. Это — схема, понимаете?

— Понимаю. Но изъ этихъ денегъ за срытую на ровномъ мѣстѣ горку вы и себѣ оставили?

— И себѣ оставилъ. Такъ что-же? А что я съ ними сдѣлалъ?

— Не знаю.

— Да я на нихъ купилъ хлѣба или заказалъ сюртукъ. То есть, отдалъ деньги тому-же мужику или ремесленнику, далъ ему заработать. Что вы на это скажете?

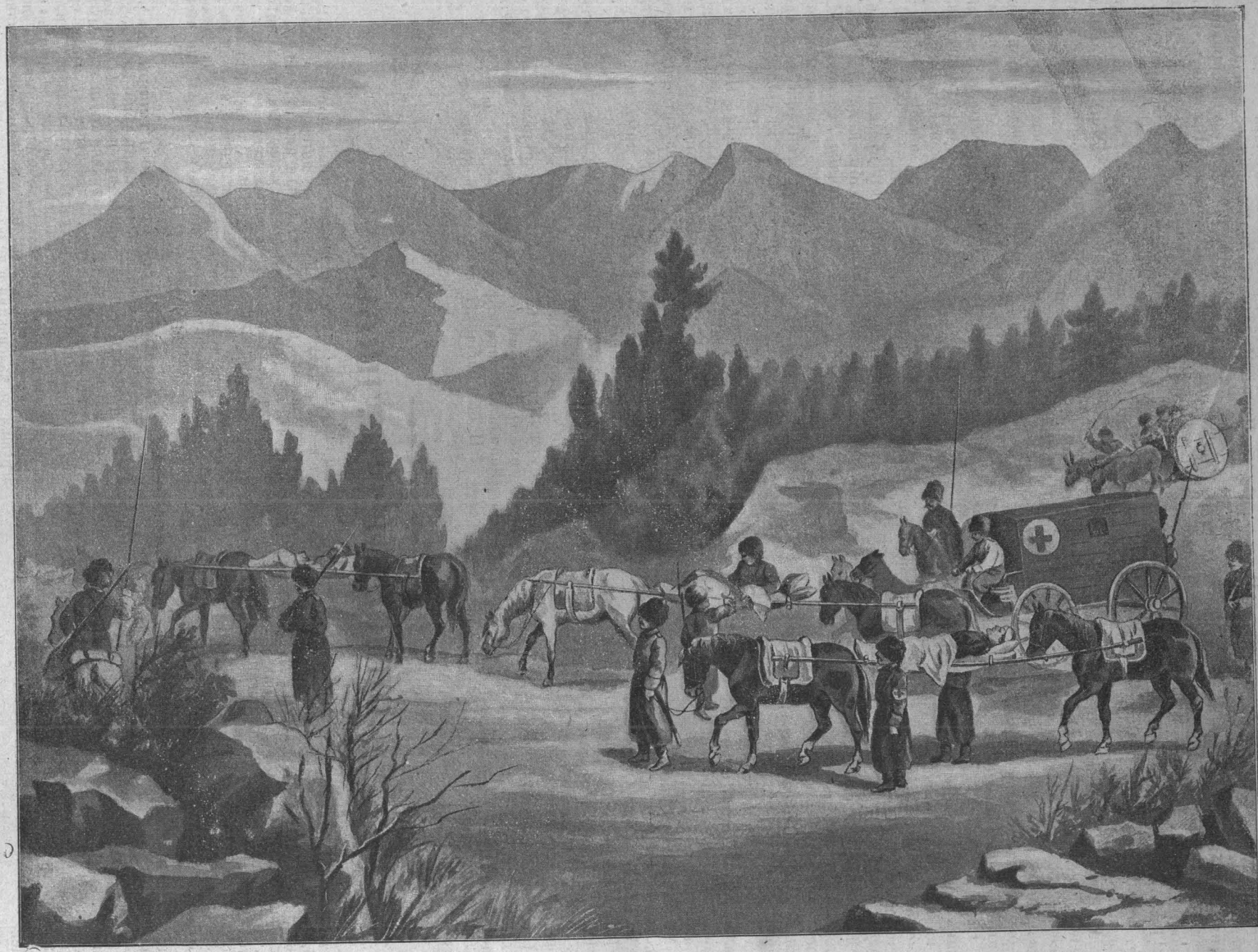
— Да ничего! Кромѣ развѣ того, что у васъ широкій взглядъ не только на жизнь, но и на этику. Удивительно широкая натура! Такъ что, если я проиграю казенныя или чужія деньги въ макао, я не совершаю преступленія?

— По-моему, нѣтъ. То есть, съ точки зрѣнія вашей узкой морали, да. А по-моему, это—только перемѣщеніе капитала. Въ одномъ мѣстѣ убавилось, въ другомъ—прибавилось, и еще неизвѣстно, гдѣ этотъ капиталъ будетъ лучше работать? Можетъ быть, въ тѣхъ рукахъ, въ какія вы его проиграли. А въ общей экономіи мірозданія все осталось попрежнему. Цѣнностей осталось столько-же, сколько было до проигрыша и сколько стало послѣ проигрыша. Понимаете? Общее равновѣсіе не нарушено. Что?

Матвѣй Семеновичъ весело улыбнулся, когда говорилъ это, и нельзя было понять, шутитъ онъ или говоритъ серьезно.

Иванъ Петровичъ посмотрѣлъ на него съ продолжительнымъ недоумѣніемъ.

— Я предпочитаю узкую жизнь и узкую мораль,—твердо проговорилъ онъ.—Можетъ быть, потому, что я именно не понимаю высшаго смысла жизни, для меня такъ-же невозможно растратить чужія деньги,



ЭВАКУАЦІЯ РАНЕНЫХЪ НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ. Оригин. рисун. А. Шлиппера-сына.

какъ, напримѣръ, полюбивъ женщину, учесть выгоду или невыгоду союза съ нею для будущихъ поколѣній, учесть счастье моихъ правнуковъ. Я — человѣкъ узкій.

— Это потому, что вы—не инженеръ. Намъ приходится изучать планы и профили, горизонты и перспективы. Чтобы видѣть горизонтъ, нужно подняться надъ землей. Это даетъ высоту мысли и ширину философіи.

— Высота, которая приводитъ къ такимъ низменнымъ взглядамъ, какъ ваша теорія передвиженія цѣнностей!

— Кто знаетъ, гдѣ низъ и гдѣ верхъ? Это — понятія относительныя. Но вы—не только не философъ, а даже не поэтъ. Вы не можете прибрать сравненія! Вы называете жизнь болотомъ, а себя — лягушкой. Хоть-бы сказали: жизнь—клумба, а я—цвѣтокъ, привязанный корнемъ къ землѣ.

— Смыслъ одинъ. Даже вашъ символъ — уже. Лягушка можетъ двигаться и квакать. Цвѣтокъ обреченъ на неподвижность и молчаніе.

— Значитъ, мой символъ еще буржуазнѣе, не поэтичнѣе... Вамъ къ Николаю Сергѣевичу?

— Да.

— Ну, а мнѣ въ рабочую казарму. Наши дороги расходятся. Перейдемъ черезъ мостъ и... до скораго, надѣюсь, свиданія...

Они перешли черезъ мостъ.

Инженеръ протянулъ руку Ивану Петровичу.

Ивана Петровича вдругъ осѣнила мысль. Онъ не зналъ, какъ, когда и почему она вошла въ его сознаніе, но неожиданно, почти помимо его воли, она сорвалась съ его языка:

— Матвѣй Семеновичъ, отвѣтьте мнѣ откровенно и серьезно на мой вопросъ... если только вы способны говорить серьезно...

— И очень. Я всегда говорю серьезно.

— Изъ уваженія къ вамъ не могу этому повѣрить, судя по нашему разговору. Но все равно...

— Въ чемъ дѣло?

— Скажите... если-бы мнѣ пришлось оставить полкъ... вообще военную службу... дали-бы вы мнѣ на вашей дистанціи какое-нибудь мѣсто?

Эта просьба поразила Матвѣя Семеновича.

Онъ остановился и пристально посмотрѣлъ въ глаза Ивана Петровича.

— Что за вопросъ?—спросилъ онъ.—Зачѣмъ вы будете уходить съ военной службы?

Иванъ Петровичъ болѣзненно поморщился.

— Ахъ, это—не то, не то! Я васъ спрашиваю и вы отвѣтьте мнѣ кратко, ясно. Вы знаете, военная служба—мой единственный рессурсъ жизни. Отъ родителя я ничего не возьму. Это—мой принципъ...

— Узкій?

— Да, узкій, но каковъ-бы то ни было, а все-же принципъ. Дѣло не въ томъ. Могутъ быть такія обстоятельства, которыя лишатъ человѣка послѣднихъ средствъ къ жизни. Ну, не допытывайтесь, могутъ быть. Вы знаете, я работы не боюсь, я ея ищу. Мнѣ не Богъ вѣсть что нужно. Требованія мои узки—вы сами знаете. Работать я могу: дайте мнѣ мѣсто смотрителя рабочихъ, если такое есть, веденіе книгъ и отчетности, я не знаю, словомъ, что-нибудь, на чемъ-бы я могъ получать рублей пятьдесятъ.

— Ваша просьба удивляетъ меня.

— Удивляйтесь, но отвѣтьте.

— Извольте. Вы—человѣкъ прямой и рѣзкій, но работникъ, должно быть, хорошій. Если это вамъ понадобится скоро, я вамъ, конечно, устрою это. Но, помните, я здѣсь прохожу стажъ и меня могутъ перевести въ другое мѣсто... срывать горки на ровномъ мѣстѣ. Тогда я врядъ-ли что буду въ состояніи вамъ сдѣлать. Но теперь, пока я здѣсь—да.

— Благодарю васъ,—сказалъ Иванъ Петровичъ.— Вы—тоже не такой дурной человѣкъ, какъ хотите казаться. Это можетъ случиться раньше, чѣмъ я думаю

Инженеръ опять посмотрѣлъ на него внимательно стараясь проникнуть въ тайну этихъ словъ. Но Иванъ Петровичъ быстро простился съ нимъ и пошелъ къ дому командира.

„Онъ не глупъ,—подумалъ Матвѣй Семеновичъ,— но, дѣйствительно, узокъ и, навѣрное, влюбленъ. И даже оттого узокъ, что влюбленъ. И чувство его—буржуазное, безъ элевацiи... Навѣрное, мечтаетъ о тихомъ, скромномъ кровѣ. Идеалъ — болото! Влюбленная лягушка! Бр!.. Образъ не изъ важныхъ“...

И онъ зашагалъ къ рабочей казармѣ.

(Продолженіе будетъ.)

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Въ городъ на рынокъ. (Къ рис. на стр. 1025.) Этотъ рисунокъ нашего художника г. Бролинга иллюстрируетъ не русскую, а заграничную жизнь. На рынкахъ въ городкахъ Германіи всегда можно увидѣть нѣсколько такихъ ручныхъ телѣжекъ, какая изображена на рисункѣ, съ разложенными на нихъ «товарами»—продуктами сельскаго хозяйства. Около такихъ телѣжекъ, кромѣ ихъ хозяевъ, пригородныхъ крестьянъ, продающихъ продукты, всегда можно замѣтить и двухъ-трехъ добрыхъ псовъ. Это—помощники пригороднаго крестьянина-нѣмца. Когда нужно отправляться въ городъ, мелкій сельскій хозяинъ въ Германіи не запрягаетъ лошади въ громадную телѣгу, а беретъ небольшую ручную телѣжку, нагружаетъ ее очень обильно товаромъ и, позвавъ своихъ псовъ, очень ловко, спеціально приспособленными постромками, припрягаетъ ихъ къ экипажу. Умныя животныя охотно подчиняются своей участи и дружно натягиваютъ постромки, по особому знаку хозяина, когда онъ возьмется за ручки телѣжки. Быстро, такимъ образомъ, совершается путешествіе до города. Телѣжка иногда такъ быстро катится, что за нею съ трудомъ поспѣваетъ хозяйка, жена крестьянина, идущая также не праздно, а съ ношей.

Инвалиды. (Къ рис. на стр. 1033.) Кому, какъ не имъ, и поговорить о войнѣ? Чьему-же, какъ не сердцу стараго инвалида, такъ близки военныя дѣйствія? Въ былое время, вѣдь, они сами пережили все это—и военныя радости, и военныя невзгоды вынесли на своихъ плечахъ. До сихъ поръ у каждаго изъ нихъ болятъ еще прежнія раны. Потому-то извѣстія съ войны и имѣютъ для нихъ особый интересъ и читаютъ-то они ихъ не такъ, какъ всѣ, а съ только имъ присущимъ вниманіемъ. Каждая строчка, каждое слово для нихъ имѣетъ свое значеніе. Карта театра войны всегда предъ ихъ глазами и всякое движеніе даже отдѣльныхъ отрядовъ, всесторонне обсуждается ими. На воспроизводимой на нашемъ рисункѣ картинѣ художника Крошечкина очень реально изображено это настроеніе старыхъ военныхъ служакъ при чтеніи извѣстій съ театра войны.

Артиллерійскій бой прежде и теперь. (Къ рис. на стр. 1039.) Съ того времени, когда Каинъ, убивъ своего брата Авеля, положилъ начало убійствамъ, на землѣ постоянно льется человѣческая кровь и постоянно люди изощряются надъ изобрѣтеніемъ все болѣе и болѣе дѣйствительныхъ орудій смерти. Предъ нами два рисунка, изображающія артиллерійскій бой и орудія прежде и теперь (прежде—во времена начала московскаго государства). Какими страшными на видъ казались тогда пушки. Увы! онѣ сравнительно—невинныя игрушки съ маленькими и не особенно страшными современными орудіями. А въ самомъ веденіи боя какая разница! Прежде, пожалуй, и на самомъ дѣлѣ думали устрашать непріятеля видомъ орудій. Ихъ не маскировали, а выставляли напоказъ, бой велся въ открытую. Не то теперь. И небольшую, не особенно замѣтную пушку приходится еще всячески скрывать отъ непріятеля. Война теперь въ томъ и состоитъ, чтобы

открыть мѣсто расположенія противника. Разъ это мѣсто расположенія открыто, противнику бѣда: артиллерія смететъ его. Человѣческій умъ довелъ-таки современныя орудія смерти почти до совершенства, но и этого оказалось мало: изобрѣтены губительныя по силѣ своего дѣйствія машины—пулеметы, изображенія и описаніе которыхъ читатели «Родины» найдутъ въ № 32 «Всемірнаго Обозрѣнія» за этотъ годъ. Противъ пулеметовъ, подъ огнемъ ихъ, не можетъ устоять ничто живое, ибо изъ нихъ льется положительно свинцовый дождь, уничтожающій все, что встрѣчается ему на пути.

Эвакуація раненыхъ на Дальнемъ Востокѣ. (Къ рис. на стр. 1049.) Грянулъ бой! Многіе легли костьми на полѣ сраженія, и ихъ трупы потомъ, по окончаніи боя, пришлось предать чуждой землѣ. Но это еще не все, злому богу войны не достаточно этого, онъ хочетъ, чтобы ужасы войны были еще страшнѣе, неприглядѣе. Не только убитые легли на полѣ сраженія, много полегло еще изувѣченными и ранеными. Много было-бы радости здѣсь злому духу въ прежнее время; слава Богу, все-же теперь злому духу войны противостоитъ добрый духъ милосердія. Раненыхъ воиновъ не оставляютъ умирать въ мученіяхъ среди поля, какъ прежде, а ихъ тщательно разыскиваютъ во время и послѣ боя и со всею возможною заботливостью эвакуируютъ съ театра войны, ближе къ Россіи и внутрь ея. Различные способы эвакуаціи раненыхъ на Дальнемъ Востокѣ и изображены на нашемъ рисункѣ.

День ангела. (Къ рис. на стр. 1041.) Праздникъ, свой личный праздникъ, праздникъ, съ которымъ у каждаго связано столько воспоминаній въ молодости и даже въ дѣтствѣ,—какъ пріятно проводить его въ беззаботной радости и довольствѣ, среди ликующей лѣтней природы! На долю изображенной на нашемъ рисункѣ дѣвочки выпало именно такое удовольствіе. Она можетъ назвать себя сегодня счастливой вполнѣ.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари.

СОДЕРЖАНІЕ № 33-го иллюстрированнаго журнала „РОДИНА“: Подъ властью воспоминаній. Стих. Н. И. Чиркова. — **Весенній захватъ**. Романъ Г. Т. Сѣверцева (Полилова). (Прод.) — **Рындичъ**. Разск. Л. Чарской. — **Безъ возврата**. Стих. Ар. Селиванова. — **Крушеніе**. Повѣсть Вал. Я. Свѣтлова. (Прод.) — **Описаніе рисунковъ**. — **РИСУНКИ**: Въ городѣ на рынкѣ. Ориг. рис. Г. Бролинга. — Инвалиды. Съ карт. М. П. Крошечкина. — Артиллерійскій бой прежде и теперь. Ориг. рис. М. Андреева. День ангела. Съ карт. Е. Столицы. — Эвакуація раненыхъ на Дальнемъ Востокѣ. Ориг. рис. А. Шлипера-сына.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха. Дачная картинка. Юмористическій набросокъ Нугарда.—Идеалъ. (1 рис.) — На кухнѣ. (1 рис.)—Обманулась. (4 рис.) Превращеніе. (2 рис.) — Магическій крестъ № 16.—Створчатая задача № 27.—Перестановка буквъ № 85. — Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ „Развлеченіе въ часы отдыха“ къ журналу № 31.

ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Русская артиллерія на привалѣ. (Съ 1 рис.) — Неудачная переправа. (Съ 1 рис.) — Русскіе раненые въ ожиданіи эвакуаціи. (Съ 1 рис.) — Эпизодъ изъ Цусимскаго боя. Минная аттака. — П. А. Бартошевичъ. (Съ портр.)—Высокопреосвященный Алексій. (Съ портр.) — От. А. В. Рожественскій. (Съ портр.)—Французская эскадра въ Англіи. (Съ 2 рис.) — Турниръ въ Брюсселѣ. У ложи герцога Бургундскаго. (Съ 1 рис.)— Семидесятипятилѣтіе Бельгіи. (Съ 1 рис.) — Мохаммедъ Али мирза, наслѣдный принцъ персидскаго престола. (Съ портр.)—Всемірная хроника.

ЭТОТЪ НОМЕРЪ СОСТОИТЪ:

изъ 32 столбцовъ журнала, 12 столбцовъ „Развлеченіе въ часы отдыха“, 12 столбцовъ „Всемірное Обозрѣніе“ и 24 столбцовъ газеты.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Собраніе“ романовъ „Родины“ 1905 г., № 16. Романы русскихъ писателей, кн. 8-я, содержащая въ себѣ:

„НА НИВѢ НАРОДНОЙ“.

Повѣсть М. С. Серафимова. Окончаніе. (Стран. 81—224.)

Дополненіе обыденной суточной пищи малыми количествами

ГЕМАТОГЕНА Д-РА ГОММЕЛЯ

вызываетъ у дѣтей всѣхъ возрастовъ и у взрослыхъ быстрое улучшеніе аппетита; быстрое поднятіе силъ; укрѣпленіе нервной системы.

Имѣется во всѣхъ аптекахъ и торговляхъ аптекарскими товарами.

Главное депо для Россіи: Б. Охтенская Аптека, Отд. „Гематогенъ“ СПБ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! Требуйте настоятельно гематогенъ „Д-ра ГОММЕЛЯ“. Тысячи врачей всѣхъ странъ дали блестящіе отзывы.

ВМѢСТО 25 РУБ.

только за 3 р. 75 к. съ пер. высылаемъ нал. платежомъ безъ задатка изящн. и прочн. карманн. мужск. откр. часы изъ настоящаго французскаго новаго золота „Вѣкъ“ ● не позолоченные ● заводъ головкою разъ въ 36 часовъ, съ ручательствомъ за прочность металла и вѣрность хода на 6-ть лѣтъ. Часы награждены медалями и ничѣмъ не отличаются отъ дорогихъ золотыхъ часовъ, стоющихъ 100 руб. Такіе-же глухіе—цѣна 6 руб. Дамскіе глухіе—цѣна 7 руб. Адресовать: Въ главный складъ часовъ Т-ва „Таванъ“, Варшава, Лешно, 22. Безплатно къ часамъ прилагается цѣпочка того-же металла и брелокъ.

P. S. Премія: при заказѣ 5 штукъ часовъ сразу прилагаются 1 часы безплатно. 404

Нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ «Родины» уплатили только

по ЧЕТЫРЕ и по ПЯТИ рублей.

Главная контора «Родины» покорнѣйше проситъ такихъ лицъ **ПОСПѢШИТЬ ВЗНОСОМЪ ДОПЛАТНЫХЪ ДЕНЕГЪ**, которыя имѣютъ быть уплачены **ВЪ АВГУСТѢ и 1-го СЕНТЯБРЯ.**

При доплатѣ **необходимо прилагать тотъ адресъ**, который наклеивается на оболочку журнала, а въ случаѣ неимѣнія его, сообщать его подробно письменно, проставляя **цифры тракта и мѣста** (цифры, стоящія на адресѣ справа) и **номеръ** (стоящій на адресѣ слѣва вверху).

ЧИСТОЕ ЛИЦО

получается скоро послѣ употребленія новаго средства

Угрих отъ **ПРЫЩЕЙ и УГРЕЙ**

Продается вездѣ по 1 р. 90 к. за банку. Перес. налож. плат. изъ оптов. склада Рич. Пето. СПБ. Караван. ул. 16, кв. 9.

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ А. И. ЯНСОНА,

СПБ., Демидовъ пер., № 5, для лицъ обоего пола. Предметы: бухгалтерія, коммерческія вычисл., коммерція, стенографія, чистописаніе, нов. языки. Нач. уч. 1-го сент. Тамъ-же **ТОРГОВАЯ ШКОЛА** для мальчиковъ. Пріемъ отъ 10—12 ч. и отъ 6—7 ч. Подр. усл. высыл. 395

НОВОСТЬ! **ДЛЯ БѢЛИЗНЫ ЛИЦА** СВѢЖЕСТЬ ПРОДАЖА ВЕЗДѢ

ОТЪ ЗАГАРА МЫЛО ЖЕРМЕНЪ.

Имѣющимъ веснушки, угри и вообще не чистое и бѣлое лицо слѣдуетъ, освѣживши лицо чистой водой, умываться этимъ мыломъ утромъ и вечеромъ. Цѣна на ск. П. Виноградовъ, Москва, Рождественка, д. № 2, не менѣе ½ дюж. 1 р. 50 к., перес. нал. плат. Требов. на кускѣ № свид 3131.

Д-ра Шиндлеръ-Барнай „Маріенбадскія Редукціонныя Пилюли“ противъ

ОЖИРѢНІЯ

и отличное слабительное средство.

Настоящая упаковка 60 пилюль

въ коробкахъ краснаго цвѣта, съ описаніемъ способа употребленія на русск., франц. и нѣмецк. языкахъ. Продажа во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. 607

Вниманію гг. подписчиковъ.

Цѣна отдѣльныхъ номеровъ журнала „РОДИНА“, кромѣ 1-го, безъ приложеній—15 коп. безъ перес. и 25 коп. съ пересылкой

ДЛЯ МУЖЧИНЪ и ДАМЪ

иллюстр. прейсъ-курантъ парижск. резин. новост. съ объяснен. высыл. за 7-микоп. марку, въ закр. конв. З. ЛИПШИЦЪ, Варшава, 2-я контора. 403

Мозольная жидкость ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Мозоли исчезаютъ при употребленіи мозольной жидкости Голлендеръ, безъ малѣйшей боли. ЦѢНА флак. 35 коп., 2 флак. высылаются почтою за 1 руб. изъ Лабораторіи І. ГОЛЛЕНДЕРЪ С.-Петербургъ, Разъѣзжая ул., № 13.

ПРОДАЖА ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ и АПТЕКАРСК. МАГАЗИНАХЪ ИМПЕРІИ.

ГАРМОНІИ

ВѢНСКІЯ съ МѢДНЫМИ планками УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛ.
2-хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11 р. 13 р. 15 р.
8 бас. 10 бас. 12 бас.
СТАЛЬНЫЕ голоса
16 р. 20 р. 24 р.
8 бас. 10 бас. 12 бас.
и дороже.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

РОЯЛЬНЫЯ съ мѣдными планками ОДНОРЯДНЫЯ

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11, 12, 13 р. 50 к., 15 р.
СТАЛЬНЫЕ голоса
17, 20, 23, и 28 руб.
ДВУХРЯДНЫЯ
голоса новаго серебра 20 руб.
Стальные голоса 30 руб.

САМОУЧИТЕЛИ ПО 1 РУБ.

ЛИВЕНСКІЯ МѢДНЫЕ ГОЛОСА ЖЕЛѢЗНЫЯ ПЛАНКИ
2 р. 50 к., 3, 4, 5 р.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
мѣдныя планки
5 р. 50 к., 6 р. 25 к., 7 р.
8 руб., 9 руб. 50 к.
СТАЛЬНЫЕ голоса
мѣдныя планки
10 р. 50 к., 11 р. 75 к., 12 р. 50 к., 14, 16 р.

САМОУЧИТЕЛЬ 75 КОП.

По полученіи задатка 1/3 стоимости высыл. съ наложеннымъ платежомъ.

И. А. НОВИКОВЪ,
МОСКВА, СРѢТЕНКА.
СКЛАДЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТ.
Прейс-курантъ безплатно.

Сенсац. новость.

„ФИГАРО" безопасная бритва. Каждый этой бритвой можетъ бриться совершенно безопасно, даже на полномъ ходу поѣзда. Бритва эта изъ самой лучшей англійской стали. Болѣе 2.000.000 шт. въ употребленіи. Ц. 3 р. 50 к. съ перес. Оптово-розничн. складъ Леонарди, СПБургъ, Пассажъ, 53. Фирма сущ. съ 1867 г. Много благодарств. пис. Ручат. за каж. бритву. 377

Волосы,

уходъ за ними, болѣзни и леченіе съ помощью Элеопата Пров. Кинунена. Популярная брошюра д-ра медицины Ю. Э. Фридлендера. Высылается желающимъ безплатно изъ главнаго склада Элеопата Пров. Кинунена: С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 13. 365

Картины-олеографіи

для украшенія комнатъ и какъ пріятное напоминаніе о событіяхъ евангельской и русской исторіи.

ИЗБРАНІЕ НА ЦАРСТВО
Михаила Ѳеодоровича Романова.
Картина худож. воспроизв. масл. краск. въ 23 тона. Вышина 14 вершк. и ширина 10 вершковъ. Цѣна 1 р. съ пересылкой.

БѢГСТВО ЛЖЕДИМИТРІЯ за литовскую границу.
Олеографія въ 23 тона, 14 верш. длины, 10 верш. вышины. Цѣна 1 руб. съ перес.

ЖЕРТВА ПРЕДРАЗСУДКА.
Картина художественно отпечатана маслян. красками въ 22 тона; 16 вершк. ширин., 10 вершк. вышины. Цѣна 1 р. съ пересылкой.

Царь ПЕТРЪ И ЗАГОВОРЩИКИ.
Олеографія по карт. проф. Шарлеманя, размѣромъ 56 на 35 сант. Цѣна 60 к. съ перес.

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ ВЪ СВОЕЙ СОКРОВИЩНИЦѢ.
Олеогр. по историч. карт. художн. Литовченко, разм. 56 на 35 сант. Цѣна 70 к. съ пересылкой.

ПРОВОДЫ КН. АННЫ ЯРОСЛАВНЫ ВО ФРАНЦІЮ.
Олеографія въ 22 тона, разм 48 на 35 сант. Цѣна 60 коп. съ перес.

ІИСУСЪ ХРИСТОСЪ въ домѣ Маріи и Мароы.
Олеографія въ 22 тона разм. 48 на 35 сантиметр. Цѣна 60 коп. съ перес.

ІИСУСЪ ХРИСТОСЪ, благословляющій дѣтей.
Олеографія въ 22 тона, разм. 48 на 35 сантим. Цѣна 60 коп. съ перес.

ВОЗЗВАНІЕ МИНИНА къ НИЖЕГОРОДЦАМЪ
Олеографія въ 23 тона съ исторической картины М. И. Пескова, разм. 69 на 49 сант. Цѣна 1 руб. съ перес.

ІИСУСЪ ХРИСТОСЪ и ГРѢШНИЦА.
Олеографія по картинѣ профес. В. Д. Полѣнова, размѣр. 56 на 35 сант. Цѣна 70 коп. съ пересылкой.

Поцѣлуйный обрядъ.
Олеографія по исторической картинѣ проф. К. Е. Маковскаго, разм. 56 на 35 сант. Цѣна 70 коп. съ перес.

Помазаніе на царство.
Олеографія по картинѣ художника А. Б. Скиргелло, размѣромъ 48 на 35 сантиметровъ. Цѣна 60 коп. съ перес.

ПРОПОВѢДЬ ІИСУСА ХРИСТА НА ОЗЕРѢ.
Олеографія въ 23 тона, разм. 48 на 35 сант. Цѣна 60 коп. съ перес.

Бракъ въ Канѣ Галилейской.
Олеографія въ 22 тона, разм. 56 на 35 сант. Цѣна 70 коп. съ перес.

СВ. СЕРГІЙ БЛАГОСЛОВЛЯЕТЪ ДМИТРІЯ ДОНСКОГО НА БИТВУ СЪ ТАТАРАМИ.
Олеографія въ 23 тона, 15 вершк. вышины и 10 вершк. ширины. Цѣна 1 руб. съ пересылкой.

Послѣднія минуты Годуновыхъ.
Олеографія въ 22 тона. размѣромъ 48 на 35 сантиметровъ. Цѣна 60 коп. съ перес.

ДВѢ БОЛЬШІЯ КАРТИНЫ-ОЛЕОГРАФІИ
въ 23 тона, каждая размѣромъ въ 28 3/4 на 18 3/4 дюйм.

НА ВЗМОРЬѢ близъ Константинополя. Морской видъ профес. Л. Ф. Лагоріо. Цѣна 1 р. 50 к. съ перес.

РАЗВѢДЧИКЪ. Сцена изъ охотничьей жизни художн. Р. Френца. Цѣна 1 р. 50 к съ пересылкою.

Выписывающіе объ эти картины вмѣстѣ платятъ только ДВА (2) руб.

ЧЕТЫРЕ картины, выражающія одну мысль:
„СЛАВА РУССКАГО ОРУЖІЯ".
1) Суворовъ на Чертовомъ мосту—1797 г. (по карт. проф. Шарлеманя).
2) Графъ Голенищевъ-Кутузовъ въ Филяхъ—1812 г. (по карт. А. Д. Кившенко).
3) Освобожденный Севастополь—1856 г. (по карт. проф. И. К. Айвазовскаго).
4) Царь-Освободитель въ Плевнѣ—1877 г. (по карт. проф. Дмитріева-Оренбургскаго).
Цѣна 1 руб. 30 коп. съ перес.

ЧЕТЫРЕ картины, выражающія одну мысль:
„ОСВОБОЖДЕННАЯ РОССІЯ".
1) Освобожденіе отъ язычества—988 г. (по карт. акад. В. Верещагина).
2) Освобожденіе отъ ига поляковъ—1612 г. (по карт. акад. Савинскаго).
3) Освобожденіе отъ нашествія французовъ—1812 г. (по карт. В. П. Виллевальде).
4) Освобожденіе отъ крѣпостничества—1861 г. (по карт. художника Зиминова)
Цѣна 1 руб. 30 коп. съ перес.

(Выписывающіе всѣ эти 8 картинъ вмѣстѣ платятъ 2 р. съ перес.).

НЕСТЛЕ
ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА
Сгущенное МОЛОКО НЕСТЛЕ.

GRANDPRIX Высшая награда на Международной Гигіенической Выставкѣ въ Парижѣ 1905 года 364
Пров. КИНУНЕНА. **ЭЛЕОПАТЪ.**

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

ASTRIS
ДУХИ L·T·PIVER ДУХИ
PARIS

Дозволено цензурою. Спб., 30-го іюля 1905 г. Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспари), Лиговская ул., соб. д., № 114.